

Пост-Москва

Олег Петухов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Викторович Петухов

Пост-Москва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26121936

SelfPub; 2018

Аннотация

Челябинский метеорит принес в наш мир Первовещество Творения, а вместе с ним хаос, монстров и загадочную Офелию. С оружием в руках и под покровительством мыслящих улиток герои победят абсурд пространства и времени и обретут любовь под внимательным взглядом Ночного Кота. Содержит нецензурную брань.

*ты будешь в роговице моих глаз
покорно плавать там русалкой среди лилий
Офелия спасется в этот раз
полет свободных в ночь и тьму валькирий*

*взыскующая нежность бирюза
на дне пруда но в глубине соленых глаз истома
валькирий обескрыленных глаза
Офелии согласие покорной*

Часть 1. Фидель

Глава первая

1

ФИДЕЛЬ:

Гасты пытались пробиться через железнодорожный вокзал, но попали под перекрестный огонь станковых пулеметов и отступили с большими потерями. Трупы валялись на привокзальной площади, напоминая груды тряпья. До захода солнца они утащат их, нам плевать, меньше мусора, свежее воздух. Я выстрелил из переносного огнемета, но скорее для порядка, чем в кого-то из них конкретно. Пусть не расслабятся!

Мы сидели в развалинах "Ленинградской" уже почти неделю. Было довольно прохладно для июля, пасмурное небо изредка сыпало редким дождичком. Но мы не жаловались, потому что в жару тут бывало иногда почти невыноси-

мо.

В этом районе всегда было плохо с продуктами, а теперь мы уже откровенно голодали. Последний голубь, которого нам удалось поймать, был зажарен и сожран позавчера, но что значит это для полувзвода голодных мужиков?

– Держите площадь! – приказал я, толком не зная кому. – Я схожу принесу пожарть.

В это же мгновение наш снайпер снял одного гаста с площади. Тот, кажется, мародерствовал. Или хотел вытащить мертвеца. Или то и другое одновременно. Аллах рассудит.

Я взял пару рожков и пару гранат и двинулся в сторону Садового. Редкий осенний дождь заставлял прохожих деловито спешить, перепрыгивая через воронки, полные воды, смешанной с кровью. Кое-где из асфальта тротуаров торчали оперением неразорвавшиеся минометные мины. Через полчаса я дошел до ближайшего смакдональдса и стал в очередь. Наверно, мужик с недельной щетиной в камуфляже и с калашом на поясе выглядел смешно среди хипстеров и школьников, но мне было не до приличий. Хуй я клал на приличия. У меня ребята не жрали с позавчерашнего дня.

Смакдональдс был нейтральной территорией. Пара пиндосовских броневигов снаружи охраняла его нейтралитет. Правда, охрана сквозь пальцы смотрела на таких типов, как я. Раз я плачу деньги, я – клиент. Пусть в камуфляже и с калашом, но клиент. Им тоже не всрались гасты на их территории, поэтому они смотрели сквозь пальцы на таких бойцов,

как мы. Платите деньги и жрите гамбургеры. Золотой принцип, между прочим.

Я взял биг смаков на все деньги, что у меня оставались, уложил их в вещмешок и бодрячком попиздил в расположение своего отряда. Официально мы считались народной дружиной, но все понимали, что это отмазка. На самом деле мы были частью народного ополчения, непризнанного официально, но и не преследуемого за экстремизм. Просто нам уже некуда было деваться. Наша зона ответственности ограничивалась Бульварным кольцом. За пределами Бульварного кольца многонациональная Эрефия заканчивалась и начинался наш Фронтир. Место, где свободу давал калаш и пара гранат в под сумке.

Мы держали периметр от плохо организованных и так же плохо вооруженных, а, если быть точным, вообще не вооруженных, толп гастов, что не делало их менее опасной и разрушительной силой. Просто их стало слишком много. В какой-то момент их количество превысило критическую массу, и государство схлопнулось в пределах Бульварного кольца. А мы держали оборону по периметру. Практически на свои же деньги.

Я вернулся вовремя, чтобы принять участие в отбитии очередной атаки. Гасты лезли изо всех щелей, почти не обращая внимания на свои потери. Я занял позицию у окна и почти что одной непрерывной очередью выпустил полную коробку патронов из пулемета Калашникова в самую их гу-

щу. С флангов работали максимы, как всегда четко и беспощадно. И вдруг вал наступающих поредел – площадь снова осталась за нами.

– Господа, кушать подано, – сказал я. – Жрите, пока не остыло!

– Эх, водочки бы, – пожаловался Брэд Питт.

Мы знали друг друга по никам в Сети. Меньше личной информации – дольше живешь. Поэтому я был Фиделем, а у меня в отряде подвизались Ведьмочка, Резиновый Утенок и Каддафи. Еще был неразговорчивый снайпер Эдвард-Руки-Ножницы. И здоровяк Брэд Питт.

– Так сходи за водкой! – посоветовал я.

– Что, я самый молодой? – пробубнил Питт. – Вон пусть неформалы сбегают.

Неформалами мы называли членов игрового клана. Те держались особняком. Работали они здорово, но в любой момент могли исчезнуть, как и появились. Мне кажется, они считали все происходящее неким мета-вселенским игровым сетом.

– Они не пьют водку, – напомнил я. – У них волшебные таблетки вместо водки. Так что, давай пиздуй ты. Я закусь принес, ты давай водяру.

Водку мы покупали у таксистов. Таксисты в своих бронетачках были вне чьей-либо юрисдикции и могли отвезти хоть в Кремль, а хоть и в гаст-лэнд, как мы называли территорию, где жили гасты. А еще таксисты торговали.

– Вижу цель! – сказал Эдвард. – Объект на два тридцать.
Я выглянул в окно.

– Это маленькая девочка, – сказал я. – Забей.

– Объект движется в нашем направлении, – сказал Эдвард.

– Забей.

Девочка брела к нам, обходя трупы и стараясь не наступать в лужи крови. Девочка-гаст, одетая в цветастое тряпье. Откуда она взялась тут?

– Объект на расстоянии – сто! – в голосе Руки-Ножницы послышалось напряжение. Он ожидал от меня команды.

– Забей, – сказал я. – Это всего лишь ребенок. Она заблудилась.

Было тихо. Внезапно стало тихо. Никто не шутил, не переругивался, кажется, даже не дышал.

– Расстояние – 70!

Я встал, подтянул пояс с подсумками, скинул рюкзак и вышел из здания. Девочка лет десяти шла прямо на меня. Она не плакала, не улыбалась, вообще никак не проявляла своих чувств. "Что за блядская жизнь?" – подумал я и прострелил ей голову. Потом вернулся в здание.

– Я схожу за водкой, – деловито засуетился Питт. – Сколько брать?

– Да сколько унесешь, – ответил я.

Настанет день, и я пропущу гостей к Центру, к которому они так стремятся. Я обеспечу им коридор, чтобы они шли

прямо, никуда не сворачивая, пока не упрутся в кирпичную кладку кремлевской стены. Но мне нужны люди. Мне нужны люди, чтобы держать фланги. А людей не хватает.

Питт вернулся. Мы выпили, но водка для меня на вкус была как вода. Когда стемнело, неформалы прошвырнулись по окрестностям и, вернувшись, главарь их клана сказал едва ли не первую фразу за все время, пока они были с нами:

– На ней было три килограмма пластида.

– Я знаю, – ответил я. – Я знаю, дружище.

2

ФИДЕЛЬ:

Наутро меня вызвали в штаб. Формально мы никому не подчинялись, но без поддержки и координации много не навоюешь. Поэтому, получив смску из штаба, я поперся с утра по как будто вымершему в воскресенье Садовому кольцу к зданию бывшего Кукольного театра. Теперь тут располагался Координационный Центр, выполнявший функции штаба Народного ополчения. На входе меня попытался тормознуть охранник, доебавшись до моего калаша:

– Я что – похож на гаста? – ухмыльнулся я и как бы нечаянным движением передернул затвор. То есть, как бы таким демонстративно-нечаянным движением руки.

Охранник затух и пропустил меня внутрь. В прошлый раз приходилось выдергивать чеку из лимонки... Учатся, что.

Наш координатор по виду был типичный сисадмин, думаю, он и был сисадмином по жизни. Бородач, в джинсах и

толстовке, или как это сейчас называется. Я знал его по нику Тек-Мак. В основном мы с ним держали связь по аське.

– У нас задание для вашей группы, – сказал он после дежурного "хай!" – В Печатниках есть ячейка. Она не выходит на связь уже вторую неделю.

– Царствие Небесное, – отозвался я. – А причем тут наша группа?

– Ты не понимаешь... Там очень ценный агент. Его надо эвакуировать.

– Хуй на рыло! У меня нет людей. Да и нет там никого в живых.

– Я тебе дам людей. Отборных. И все нужное снаряжение. Этот человек нам нужен.

– Там никого нет. Печатники – давно уже жопа.

– Я знаю, что такое Печатники. Но этот человек нужен нам всем.

– Мне нужны только солдаты. Мои солдаты. Я не поведу их в Печатники. Проще пристрелить всех нас прямо здесь.

– С тобой пойдет клан Мертвецов из Контры.

– Мертвецы? Не пиздишь?

Клан Мертвецов прославился тем, что освободил рязанского посла, взятого в заложники гастами прямо в посольстве. Говорят, что, когда кончились патроны, Мертвецы гонялись по улицам за террористами и добивали их ножами и бейсбольными битами. Игроманы, хули. Посол не пострадал, что уже было чудом.

– Они же сумасшедшие, – я все пытался сообразить, за каким хуем кому-то понадобилось переться в Печатники. – Не гуманнее ли устроить массовое самосожжение?

– Слушай, – тон Тек-Мака внезапно изменился. – Это моя личная просьба к тебе.

– Кто этот человек?

– Моя невеста.

Блядь! Это воскресенье я запомню на всю жизнь. Я жив только потому, что у меня есть тайная чуйка, и моя чуйка подсказывает мне, что Царствие Небесное мне не светит. Ни в это воскресенье, ни в любое другое. А мне светит полный пиздец в Печатниках. Эта территория была потеряна одной из первых. И нахуя там было держать ячейку? Чем они там занимались – собирали данные о новых псевдо-мечетях? Записывали вопли лже-муэдзинов? Печатники были тем самым районом, по которому в первую очередь надо было бы применить тактическое. Если бы в Кремле сидели не хитро-жопые долбоебы, а...

А кто? Да вот я, например, или любой из моей группы. Или тот же Тек-Мак. Со своей убиенной невестой.

– Это личная просьба? И ты думаешь, что я рискну своими людьми, чтобы ее выполнить?

– Да.

– Хорошо, – сказал я. – Давно хотел посмотреть на Мертвецов в деле.

Господи, зачем меня занесло в Самарру?

ФИДЕЛЬ:

Из штаба я поехал домой, провести дочек и кота. Да и помыться надо было, и в чистое переодеться. Бескудниково оставалось одним из немногих русских анклавов на севере Москвы. Гасты тут были, куда ж без них, но мирные. Или относительно мирные. Или делали вид, что относительно мирные. Во всяком случае ни одной псевдо-мечети тут построено не было. И шахиды подрывались на улицах не так часто, как в других районах. В общем, жить в Бескудниково можно было относительно спокойно. На общем фоне, разумеется.

Я спустился в метро, привычным движением надев респиратор. Без респиратора неприученные к многолетней застоявшейся вони люди начинали блевать желчью прямо на эскалаторе. Эскалаторы, кстати, давно уже не работали, поэтому приходилось спускаться пешком, смахивая с лица пот и слезы от зловонных и токсичных испарений. Стены тоннеля эскалатора были покрыты зеленоватой слизью и местами паутиной гигантских псевдо-пауков. Псевдо-пауки нападали редко и реальной угрозы не представляли.

Кустарно бронированная электричка прибыла довольно быстро, через полчаса где-то. Я протиснулся в вагон с заваренными бронелистами окнами. Поезд тронулся. Люди в метро старательно избегали встречаться взглядами друг с другом. Каждый третий был с автоматом или ручным пулеметом. Женщины, в основном, обходились холодным оружи-

ем. Это было разумно – холодняк в условиях скученности гораздо эффективнее огнестрела.

Мне оставалось проехать всего один перегон, когда началось это – в моем вагоне активизировался шахид-берсерк. Никто не знает природу этого явления, когда вполне себе зачуханный мирный гаст вдруг начинает фонтанировать агрессией, ненавистью и жадой убивать. Это может случиться в любой момент в любом месте. Чаще всего почему-то в метрополитене.

Я увидел, как будто рябь пошла по воде. Толпа вдруг качнулась, отталкивая от себя чужеродное тело. Тело убийцы. В центре волны оказался молодой и прилично одетый гаст. В руках он держал катану – якобы лучший меч для войны. Клинок уже был покрыт кровью невинных и продолжал прогрызаться сквозь плоть и крики.

Я сделал одно движение, не думая и не рассуждая. Спинной мозг сам рассчитал траекторию, и пуля вошла ровно в центре лба шахид-берсерка. Я тут же, мгновенно и незаметно для постороннего глаза убрал свой глок на место и сделал вид испуганного пассажира, озирающегося вокруг. Поезд в это мгновение остановился и меня вынесло на платформу толпой паникующих горожан. Лишнее уголовное дело мне было ни к чему, и поэтому я тут же бодро зашагал по переходу, потупив очи долу.

Метропоезд стоял на станции, ожидая, пока мусорщики и уборщики вынесут тело и наспех замают стены от крови

и мозгов. Раненных шахид-берсерком пассажиров под руки выводили работники метрополитена.

Внезапно в толпе я поймал внимательный взгляд. Кто-то явно интересовался моей персоной. Кто-то, кого не ввела в панику ни резня катаной, ни грохот моего глока. Я замедлил шаг и сделал вид, что поправляю свой рюкзак. На самом деле я искал источник повышенного внимания к своей плохо пахнущей после недели боев персоне.

Чуйка, и еще раз чуйка! Надо доверять своим инстинктам, надо заставлять работать свой спинной мозг. Я нащупал незаметным движением руки свой нож, потому что два раза подряд глок не прокатит.

В тот момент, когда слежка в мой персональный адрес стала дышать мне буквально в затылок, я как бы споткнулся и оказался за спиной у своего "хвоста". Я прижал лезвие к почке моего соглядатая, и мы вместе ступили на эскалатор.

Передо мной была девочка. На вид лет 16-17.

– Не дергайся, – сказал я. – Просто спокойно иди вниз.

Мы спустились вниз прогулочным шагом, как бы никуда не торопясь.

– Кто ты? – спросил я, стоя с ней возле стенки перехода, как будто дядечка стоит с племянницей и неторопливо разговаривает. – Что тебе от меня надо?

В этот момент я почувствовал, как в бок мне уперся ствол. Реальный такой, 45-го импортного калибра. Я повернул голову и увидел каких-то подростков, в штанах, задница кото-

рых болтается чуть не до колен, и в вязаных радужных шапках анашистов.

– Спокойно, дядя, – сказал мне свистящим шепотом один из них. – Нам надо с тобой просто поговорить.

Я люблю разговоры. Когда разговариваешь, чувствуешь себя живым. Это такая редкость – чувствовать себя живым.

4

ФИДЕЛЬ:

Ствол сорок пятого калибра, упершийся мне в бок, меня не сильно беспокоил. В отличие от прыщавого мальчика, стоявшего по диагонали ко мне и явно прячущего в холщовой сумке что-то вроде узи или самопального аналога. Я посмотрел в его бледно-голубые глазки и убрал нож в карман.

– Оу-кей! – сказал я. – Я люблю разговаривать.

Толпа проходила мимо, старательно не замечая ни меня, ни этой банды малолеток вокруг моей персоны. Меньше знаешь, крепче спишь, да.

– Итак. Говорим коротко и по делу, – сказал я, повернувшись к старшему из них. Тому, кто тыкал мне под ребра стволом. – В чем ваша проблема?

– Дядя, не тяни... Ты идешь в Печатники.

– Печатники? Где это?

– Дядя, это в пизде.

– Далековато...

– У нас там человечек остался.

– Земля ему пухом!

– Не, это живой человечек.

Я уже ничего не понимал. Тек-Мак из штаба просил за свою невесту, или кто она там ему. Эти обкурки откуда-то узнали про мое задание и теперь гундосят о своем "человечке"... Что вообще происходит? Миссия рассекречена в тот самый момент, когда ее надо секретить по полной. С такой хуйней мне еще иметь дело не приходилось.

Я попытался выиграть время:

– Фотки есть?

– Не, дядя, только ник и пароль.

– И какой ник?

– Офелия.

– Белая девка? Она мертва. Изнасилована и скормлена псам.

– Она жива.

– Не верю.

– Вот ее последний мессадж.

Он протянул мне свой наладонник, и в этот момент я схватил его ствол и, одновременно, заслонился его тушкой от пристального взгляда бело-голубых глаз его напарника.

– Спокойно, дети! – сказал я. – Разговор продолжается, но ровно и только словами. Без жестов и пальбы.

Я посмотрел на экран кпк. Там было одно сообщение от юзера с ником Офелия: "Помогите!"

Блядь...

– Кто она? Почему осталась в Печатниках? Почему не эва-

куировалась со всеми?

Я держал отобранный пистолет в руке, прижимаясь к ху-
досочному обкурку, чтобы директрисса огня не сошлась на
моей переносице, когда эти худые кости вдруг стали сотря-
саться в моих объятьях. Он, этот обкурок, плакал! И что мне
делать теперь?

Я отпустил его. Я сказал:

– Давай адрес и данные.

Люди проходили мимо с покер-фейсами. Людей не ебало
вообще ничего. Я снял респиратор и поцеловал девчушку,
следившую за мной, в губы. Взасос. Ее банда неловко пере-
миналась вокруг нас с ноги на ногу.

5

ФИДЕЛЬ:

Мне надо было хорошенько подумать обо всем этом. До-
ма никого, кроме кота, не было. Я покормил его и с насла-
ждением принял душ. Только я вышел из ванной, как зазво-
нил телефон. Не тот, которым я обычно пользуюсь, другой,
номер которого знали всего несколько человек.

– Да, я слушаю, – сказал я, одновременно одеваясь в чи-
стое и заглядывая в глазок пуленепробиваемой двери.

Там стоял мужчина в штатском, одетый в серый непри-
метный костюм. Возле уха он держал дешевый китайский те-
лефон.

– Фидель, нам надо с вами поговорить.

– Кто вы? – спросил я, чтобы хоть немного протянуть вре-

мя.

Я проверил патрон в стволе своего глока и засунул кота в ванную. Целее будет.

– Мы из Управления Э.

– Здесь не ваша юрисдикция.

– Ошибаетесь. Согласно Федерального закона два три два вся территория РФ подпадает под нашу юрисдикцию.

– Что, правда вся?

– Да. Нам не нужны эксцессы. Мы хотим просто поговорить об одном деле.

Я даже догадываюсь, о каком. "Офелия", "невеста" Тек-Мака... Это ведь один и тот же человек. И теперь за нее вписываются оперативники из Э.

Я открыл дверь и засунул глок за пояс джинсов сзади:

– Заходите.

На вид ему было не больше тридцати пяти. В меру полноват. Его можно было бы принять за недалекого увальня, если бы не цепкий взгляд, который он, впрочем, явно прятал от посторонних глаз. По-любому, мне не хотелось бы иметь его в своих противниках. Да и в друзьях тоже.

– Выпьете? – спросил я, пройдя на кухню и налив себе водки в стакан. Потом добавил томатного сока, соли и пару капель табаско.

– Я на службе.

Это прозвучало несколько старомодно, но веско и основательно.

– А я сегодня выходной. До обеда выходной.

– Я знаю.

– И я знаю, что вы знаете.

Я выпил залпом свою кровавую мэри и спросил:

– Офелия?

Он переменялся в лице. Забавно бывает наблюдать, как по-детски непосредственно страдают взрослые мужики.

– Что... Что вы о ней знаете?

– Ничего. Ровным счетом ничего. Кроме того, что она мертва.

– Нет! Я не поверю, пока...

– Пока я не принесу вам ее труп? Целиком, или можно ограничиться кистью руки? Или скальпом?

Он сделал неуловимое движение навстречу, но тут же уперся грудью в мой глок.

– Спокойно, – сказал я.

– Я хочу знать всю правду, – сказал я.

Он как-то сник, а потом посмотрел мне в глаза и сказал:

– Никто не знает всей правды.

6

ФИДЕЛЬ:

Мы сидели у меня на кухне и пили водку. Георгий, а если быть точным: Георгий Михайлович Степанцев – так звали оперативника по его собственным словам, а проверять его слова и требовать корочки мне было недосуг – рассказал мне кое-что об Офелии:

– Она – наш лучший агент. И хороший мой друг! Вот только без грязи, не надо... Обычная девчонка, но сколько полезной информации она нам передает. Никто ведь не ожидал такого наплыва гостей. Кстати, это слово внесено в реестр запрещенных слов. Мы говорим официально не гасты, а гости. Гости отбросят кости. Вернее, мы отбросим кости, а не гости. Гостеприимство, короче, сейчас официальная идеология, а она – Офелия – вышла на контакт с нами где-то с год назад. Сама вышла. И дала стопроцентную инфу...

– Я могу дать вам стопроцентную инфу. Любой дворник-гаст даст вам стопроцентную инфу...

– Нет, тут глубже все. Ты вот знаешь о подземных гастах?

– Подземных?

– Да. Они живут в метро и никогда не выходят наружу.

– Это бред.

– Я тоже так думал поначалу. А о небесных гастах слышал?

– Нет.

– Я видел видео с той девочкой, которая несла пластид. Три килограмма.

– И что?

– Откуда ты узнал, что она – бомба?

– Я не знал.

– Но ты пристрелил ее...

– Да. Я нихуя не знал.

– Ты догадался...

– Нет.

– Посмотри мне в глаза.

– Я выстрелил в нее, потому что не мог отдать такой приказ своим людям. И мне похуй, был на ней пластид или нет. В следующий раз я сделаю ровно то же самое. Кто такая Офелия? На какого хуя ее хотят спасти столько народа?

– Офелия знает. Она знает, откуда они все взялись. Больше ничего я тебе сказать не могу.

– Больше ничего и не надо, Георгий.

Я разлил остатки из бутылки. Мы выпили, не чокаясь.

– Я засуну их взад, – сказал я и на долю секунды сам поверил в свои слова.

7

ФИДЕЛЬ:

В моей группе все было в порядке. Гости почти никак себя не проявляли. Ребята откровенно скучали, но я внес немного позитива в их существование, принеся пару бутылок конфискованного чиваса.

– У нас новое задание, – сказал я, разливая виски по импровизированным стаканам. – Я с добровольцами должен смотаться в Печатники.

– Звучит неплохо, – отозвался Брэд Питт. – Надеюсь, проездной у тебя есть.

Мы выпили. Помолчали. Потом я сказал:

– Выходим послезавтра на рассвете. К вечеру вернемся. Это общий план. В усиление нам дадут Мертвецов.

– Клан из Контры? – спросил лидер неформалов.

– Они самые, – ответил я.

– Мы тоже хотим пойти, – сказал он.

– Вы будете держать периметр здесь. Если захотите, конечно. И потом обеспечите нам коридор отхода.

На словах все звучало просто. На словах вообще все звучит просто. На деле мне предстояло отобрать команду мертвецов. Ни один из нас не уйдет оттуда живым. Это абсурдно и физически невозможно. Я разлил остатки чиваса и поднял свою емкость:

– Удачи, покойнички!

Потом перешел к делу:

– Со мной пойдут Утенок и Ведьмочка. Брэд остается здесь за старшего. Неформалы... Ребята, прошу вас лично, на коленях, останьтесь тут до завтрашнего вечера! И еще нам нужен коридор – туда и обратно.

В это время Эдвард подал голос:

– Два объекта на полшестого.

Я посмотрел в импровизированную бойницу.

– Пропусти. Старые знакомые.

Это был Георгий с каким-то чуваком:

– Управление «Э»? – спросил я.

– Управление ни бе, ни ме! – откликнулся он. – Мы идем с вами.

Он деловито уселся за наш импровизированный стол.

– Красиво живете! – сказал он, вертя в руках бутылку из-

под чиваса. – А у меня с собой только Столичная. Плебейская, кристалловская Столичная. И да... Еще пара бээмпешек на закуску.

– А вертушек, случайно, нет? – поинтересовался Утенок.

– И вертушки случайно есть, – живо откликнулся Георгий. – Так что полетим с комфортом. И да, знакомьтесь – Иван Константинович. Фамилию не говорю, иначе мне придется вас всех убить, хе-хе!

– Фамилия нас не интересует, – сказал я в ответ. – Какая фамилия может быть у Геринга?

Это был он, хоть я с трудом мог бы в это поверить, не видя его своими глазами прямо перед собой – по нику в Сети Геринг, по должности руководитель администрации исполняющего обязанности президента, или как-то так.

– Кто она вам? – спросил я его, глядя прямо в глаза.

– Дочь, – ответил он. – Племянница. Любовница. Какая разница?

Мне и в самом деле не было никакой разницы. А вертушки окажутся в самый раз.

8

ФИДЕЛЬ:

Георгий привез с собой снаряжение и боеприпасы. Пока мои бойцы разгружали армейский грузовик, и распаковывали контейнеры, я решил доделать одно дело. Я открыл свой ноутбук и вышел в Сеть. Через пару кликов я зашел на один неприметный сайт, якобы торгующий всяким барах-

лом. Среди всякой поебени, однако, там была ссылка, устанавливающая сверхзащищенный канал связи с неким ресурсом, выглядящим как простое поле ввода текста. Я забил туда два слова – "Офелия" и "Печатники". Ничего не произошло. Я забил туда третье слово – это был пароль из 128 знаков. В ответ вылез текст. Когда я дочитал его до конца, у меня челюсть болталась на уровне пупка. Я тут же стер его. Этого просто не могло быть! Это было невозможно... По идее мне надо было уничтожить свой ноутбук, потому что простое форматирование харда не гарантирует уничтожения всей информации, если применить спецоборудование. Поэтому я недолго думая достал Glock и выпустил пару пуль в то место, где должен был находиться хард-диск. Ребята ничего не сказали, будто это так и надо – подумаешь, кто-то стреляет в свой ноутбук из пистолета! Обычное дело, что уж там...

– Ни хуя себе! – воскликнул Питт, вскрыв крышку контейнера. – Это то, о чем я думаю, или я сплю?

– Ты спишь! – сказал Утенок. А потом:

– Ну ни хуя себе!

Я подошел к ним. В контейнере поблескивала вороненной сталью шестиствольная пушка на станине.

– Этой херовиной можно сбивать стратегические бомбардировщики, – заметил Утенок. – У нее в боекомплекте самонаводящиеся реактивные снаряды с покрытием по высоте до 20 тысяч метров. Боюсь представить, как она отработает по пехоте.

– По пехоте разумнее применить вот это, – сказал Георгий, похлопывая по крышке закрытого контейнера. – Автоматический гранатомет. 30 миллиметров калибр. Скорострельность – 20 тысяч выстрелов в секунду.

– В минуту, я полагаю? – поправил Питт.

– Нет, именно в секунду. Три гектара выжженной земли за секунду. И антропофильные гранаты с индивидуальным наведением осколков.

– Что же мы старорежимными максимами периметр держим, когда тут такое...

– Не было политического решения. Гасты в каком-то смысле наши же сограждане...

– Это в каком же смысле?

– В политическом.

– На хую я вертел вашу политику.

– Это ваше право.

– А у вас какие права?

– Все решает президент. Или тот, кто исполняет его обязанности.

– Он у вас уже двадцать лет исполняет обязанности...

– И у вас тоже, между прочим!

– Нет. У нас решает Фидель, исполняющий обязанности Фиделя.

Гасты пошли в атаку. Или, не знаю, что у них там было, но они пошли прямо на нас. Питт сделал пару движений монтировкой и открыл контейнер с площадным противопехот-

ным гранатометом. Потом он вытащил его, еще в заводской смазке и направил в сторону колонны гастов. Потом нажал на спуск.

Когда я встал с пятой точки и протер глаза, площадь перед нами была девственно чиста и пустынна. Даже трупы от предыдущих атак не сохранились.

– Зеер гут, – сказал Питт. – Так воевать, в принципе, можно.

– Только не забывай предупреждать в следующий раз, чтобы я успел надеть беруши, – отозвался Утенок.

9

ФИДЕЛЬ:

– Мне нужен биолог, – сказал я. – Специалист по внеземным формам жизни. Такие есть у нас в стране?

– Алиенист? – уточнил Утенок. – Нет. У нас таких нет и не было.

– Пиздец, как нужен. А если поискать?

– Всяких уфологов до хуя, но нормальных спецов там нет.

– Уфологи – это когда зеленые человечки выходят из светящейся сферы и собирают палки и камни?

– Типа того.

– Нахуй уфологов!

– Ок, нахуй уфологов.

Утенок и сам учился на биологическом факультете МГУ имени ВВП. Я знал, кого надо спрашивать. Не знаю, получил ли он диплом, но голова у него в науке шарилась. И сейчас он

лазил по Сети в поисках алиенистов, или как они там называются.

– Вот интересный ресурс, – сказал он. – Никогда не слышал о нем. Автор публикаций... Сергей Сергеич Че его зовут.

– О чем пишет?

– Сейчас... Минутку.

После сегодняшнего забабеха из площадного гранатомета гасты никак себя не проявляли. Поэтому мы наслаждались деликатесами из сухих пайков от Генштаба и мало-мальски приводили себя в порядок. Пайки были больше похожи на спецзаказ для членов ЦК КПСС. Не думаю, что они всерьез намеревались кормить пехоту черной паюсной икрой и нарезкой сырокопченых колбас, но кто их знает...

– Вот это интересно... "В осколках Челябинского метеорита была обнаружена ДНК, не имеющая аналогов среди земной жизни. На данный момент трудно предположить, какому организму она могла бы принадлежать, однако ответ на этот вопрос – только дело времени"...

– Это оно и есть, – сказал я, доставая телефон. – Пробей адрес этого парня. Черт, я помню этот метеорит. Сеть была забита роликами о нем.

Я набрал номер и сказал:

– Мне нужна тачка к гостинице "Ленинградская". Нет, это не шутка. Да, я – Фидель. К центральному входу, через полчаса.

– Адрес есть.

– Мы едем к нему, – сказал я, проверяя магазин импульсно-плазменного пистолета-пулемета. Старый добрый калаш нервно курил в углу.

10

ФИДЕЛЬ:

Бронетачка летела по вечерней Москве, вернее, по тому ее куску, который еще можно было считать Москвой, хуй поклаив на правила и все ограничния. Гаишники в нелепых скафандрах старательно делали вид, что ничего не видят и не слышат, когда мы с грохотом и лязганьем проносились прямо у них перед носом. И правильно делали. Сейчас не десятки годы, когда у ментов каждый день был именинами и праздником сердца.

Водила включил телевизор. Передавали новости. Картинка дергалась, по экранчику ползли помехи. В основном, как и обычно, показывали тушку исполняющего обязанности президента с разных ракурсов. Сегодня он сажал тюльпаны на грядке возле Мавзолея. Будто бы готовил себе местечко для упокоения. Впрочем, на это никто давно уже не надеялся. Его охрана старательно изображала восторженный народ.

– Вам Тюшин? – спросил таксер. – А где там в Тюшин?

Я назвал адрес. И тут же пожалел об этом. Бронетачка резко затормозила и остановилась у тротуара. Несколько других машин, появившихся будто из ниоткуда, окружили нас.

– Вот глупости-то делать и не надо, – сказал я.

– Я тебе башку отрежу! – заявил таксер.

Я вышел из машины. Эта тачка нам больше не понадобится. Вряд ли этот придурок с отстреленной головой сможет везти нас дальше. А вот другое такси, блокировавшее нам движение, еще вполне работоспособно. Правда оно попыталось уехать, но я направил импульсно-плазменный пистолет-пулемет прямо в рожу охувшего дебила за рулем, и тот живенько открыл двери и согласился нас с Утенком подбросить до места. Утенок, прежде чем сесть в тачку, дал очередь по другим дебилам, решившим испытать свою таксерскую судьбу.

– Не такие уж они и бронированные, – сказал он, захлопывая дверцу. – Горят, как порох.

Я ничего не ответил. Потом со всей дури заехал водиле по уху. Утенок сделал то же самое.

– Вы, придурки, хотите объявить сезон охоты на таксистов? – спросил я.

И двинул еще раз. Дальше мы ехали без приключений под причитания бомбилы о "разбитый ухо" и прочую лирику.

Я давно не был в Тушино, и то, что я там увидел, мне не понравилось. Гасты были повсюду. Мирные они, или нет, мне уже было похуй. Просто их было слишком много. Скоро Тушино превратится в ад. Или в жопу. Кому как больше нравится. И периметр обороны станет еще на десяток километров короче.

Мы вышли из такси за пару-тройку кварталов от нужно-

го нам адреса. Я не такой идиот, чтобы называть истинную цель или точные координаты места, куда еду. Или куда иду. Или куда меня несет моя несчастная судьба. А тот дом, адрес которого я назвал первому нашему водиле, догорал своими развалинами прямо перед нами.

Я вернулся, вытащил из-за руля халдея и прошил его тачку одной очередью:

– Скажи своим, что теперь им опасно попадаться нам на глаза.

Кто же ты, Офелия, если по твоим следам идет столько народа, и некоторые не жалеют даже крылатые ракеты?

11

ФИДЕЛЬ:

Это было само по себе странно – с чего бы вдруг таксерам нарушать нейтралитет? Как только народ заподозрит их в нечестности по отношению к клиентам, их столь тяжело и кроваво выстроенный бизнес рухнет, как карточный домик (кто их строит – эти карточные домики, – что они так часто рушатся?). Таксеры были кланом, как говорят в народе, ассирийцев, вытеснивших конкурентов с рынка при помощи пистолетов-пулеметов узи, жестко выстроенной иерархии внутри клана и своеобразного кодекса чести – безопасность клиента прежде всего! Тебя могли пристрелить где-угодно, но только не в такси, пока ты был клиентом и честно платит оговоренную цену. Голая шестнадцатилетняя девственница в четыре часа утра могла смело ехать к родителям, живущим

у черта на куличках, не опасаясь не то, что за свою девственность, но даже сального намека или усмешки в свой адрес. Клиент платит за поездку – клиент доедет в целости и сохранности. На этом постулате держался весь их бизнес. И вдруг они начинают работать на некую третью силу, столь могущественную, что им удалось надавить на таксистов-ассирийцев с такой силой убеждения, что те сдают своих клиентов, и не просто сдают, но прямо нападают на нас.

Это была война, ненужная ни одной из сторон. Я достаточно мелкая сошка в городе, но за мной стоят наши отряды самообороны Периметра, и таксисты не могли не знать, что вся информация об инциденте передана он-лайн в Сеть в режиме реального времени, поскольку он-лайновые видеорегистраторы входили в стандартный набор снаряжения любого мало-мальски обученного и подготовленного бойца. Да и штатские широко пользовались этими девайсами. Ассирийские таксеры, покروшив в ходе борьбы существования на конкурентном рынке таксистских услуг кланы памирцев, абхазцев и наркоторговцев-нигерийцев, вдруг, в одночасье, сдулись, подставив себя под удар, который им уже не перенести.

Зачем? Почему? Кто убедил их так неотвратно?

Пока я ломал себе голову над этим вопросом, мы с Утенком бодрым шагом дошли до нужного дома. Это была панельная пятиэтажка времен водородного противостояния с самими Штатами. На словах противостояние с мировой су-

пер-державой продолжалось и сегодня, но почему-то инаугурации нашего исполняющего обязанности президента проходят в актовом зале Госдепа. Это никого не удивляет, поскольку всякий раз объявляется очередная "перезагрузка" международно-клановых отношений. В общем какое-то мутное объяснение они нам дают, хотя могли бы и просто покласть хуй, как во все остальное время исполнения их мифических обязанностей.

Мы вошли в подъезд и поднялись пешком – лифта там не было – на третий этаж. Лестница была завалена мусором и воняло так, как на помойке. Обычное дело для схлопывающихся в черную дыру районов. Дверь в нужную нам квартиру ничем не выделялась из других в доме – точно так же расписана арабской вязью и призывами к джихаду на суржике русского.

Я позвонил, и дверь открылась так быстро, что мы невольно заняли позицию "внезапного нападения в многоэтажном доме" – я контролировал дверной проем, Утенок подходы к нам с тыла. На пороге стоял старик с безумно ясными и кристально чистыми голубыми глазами.

– Что вы так долго добирались? – проворчал он. – Поисковый запрос о себе я засек еще два часа назад. И ассирийцы не оправдание!

Глава вторая

Геринг, он же Вячеслав Курков, он же Ахмет Будаев, он же великий и ужасный Хелл, и еще тысячи ников, имен, прозвищ, псевдонимов и погонял, сел в бронированный мерседес S-класса с удлиненным на метр кузовом.

– К Папе, – бросил он водителю. – И скажи им, чтобы выключили мигалки.

Эскорт бронемотоциклистов перестал сверкать огнями и заметно сомкнул журавлиный клин вокруг. Никто не хотел неприятностей на работе.

Геринг сказал в пространство:

– Телефон. Контакт "Папа".

Громкая связь включилась и послышались длинные гудки. Потом на линии щелкнуло и раздалось "алло". Женский голос известной биатлонистки. Личный секретарь Папы.

– Маринчик, мне нужно с ним поговорить, – проворковал Геринг, он же великий и ужасный Хелл. Одновременно он включил карманный имитатор реальности. И оказался на берегу лагуны где-то в безмерных просторах Тихого океана. Мелкие волны неспешно ложились на ослепительно белый песок. Тени пальм напоминали рентгеновские снимки ребер. В руке у него появился запотевший хайболл с дайкири. Нежная тринадцатилетняя мулатка расстегивала его брюки с вождением и страстью первобытной сучки в период первой течки. Ее нежные губки сомкнулись на головке его члена, и она принялась обрабатывать его, постанывая и покусывая...

– Так срочно, Слава?

– Да. Скажи ему, она на свободе.

– Она? Офелия?

– Да.

– Ок.

– О, да!

– Что?

– Я не тебе, Марин...

Связь отключилась. Мулатка получила долгожданную порцию спермы в свой малолетний ротик, высосав ее до последней капли. Дайкири был выпит, а хайболл разбит о ближайшую псевдо-реальную пальму.

"Финиковая?" – предположил Геринг. – "Надо будет изменить программу на банановую".

Эскорт въехал в ворота Спасской башни. Караул отдал честь плазменными карабинами. Ворота закрылись.

Над кремлевскими зданиями тучей кружили вороны. Эскорт броне-мотоциклистов по своей инициативе включил мигалки и прочую цветомузыку. Это была их территория. Территория тысячелетней славы и тысячелетнего позора.

2

Он долго шел по кремлевским коридорам, пока не свернул в неприметный аппендикс, ведущий в полуподвал. Стены тут не знали евроремонта и вообще никакого ремонта уже лет 70. Их только периодически мыли и подкрашивали зеленой масляной краской советского еще производства. Поэтому в некоторых местах краска образовывала наплывы,

будто сталактиты в пещере. Коридор вел в полуподвальный этаж, не обозначенный ни на каких планах. Нет, планы, скорее всего, были, но доступ к ним не имел никто на свете, включая исполняющего обязанности президента. Дорогу Герингу освещали стеклянные архаичные лампы накаливания, светившими желтым неярким светом. Эти лампы висели на проводах с матерчатой изоляцией без всяких буржуазных излишеств, вроде абажуров или плафонов. За все время он никого не встретил и не услышал ни одного звука, хотя он точно знал, что в здании находятся тысячи людей. И не просто находятся, но напряженно работают, оформляя документы, подшивая потом их в папки, складывая папки по порядку в дела. Эти документы были настолько важны, что их нельзя было доверить компам. Более того, многие из них существовали в единственном экземпляре и были написаны от руки архаичными шариковыми ручками, когда-то, в далекие времена социалистическо-империалистического величия, стоившие ровно 7 копеек. Однако вышколенная дивизия делопроизводителей никак себя не проявляла, ни скрипом стульев, ни шумом передвигаемых стремянок, когда очередная папка занимала свое пронумерованное место на бесконечных полках с рядами бесконечных дел. Он шел по самому секретному и могущественному месту в РАФ. В кабинетах в этой части здания даже не было окон, хотя там и были шторы из зеленой драпировочной ткани, но если их раздвинуть и посмотреть в окно, увидишь только бетонную стену. Ок-

на были фальшивыми и служили только, чтобы не вызывать приступов невольной клаустрофобии. Во всяком случае, Геринг именно так объяснял задумку давно уже расстрелянных безымянных архитекторов.

В самом конце коридора была малоприметная в полумраке дверь. Никакого полированного дуба или даже шпона из ценных пород дерева не было. Дверь была обита дерматином гвоздями, шляпки которых напоминали ракушки. Он открыл эту дверь и, как обычно, поразился ее массивности. Без всякого сомнения в этой двери была бронеплита, отлитая еще на Уралвагонзаводе. Пройдя через тамбур и открыв следующую дверь, он оказался в крошечной приемной, обставленной старомодной мебелью. На кушетке, где с трудом разместились бы три человека, когда-то сиживали красные маршалы и министры великой индустриальной державы, писая в штаны и трясаясь от ужаса, и их ужас впитался в дерматин этой кушетки навечно. За столиком из массива дуба, покрытого лаком, сидела Марина. На столике не было ничего, кроме допотопного телефона из черного эбонита и последнего номера журнала "Космополитен".

– Как ты? – спросил он девушку.

– Да заебись, – ответила она. – Подыхаю тут со скуки.

– С нашим-то папочкой? – хохотнул Геринг.

– Папочка нынче играет в паровозики, ему не до меня... –

Марина закатила глазки к потолку. – Новое увлечение у нас.

Геринг полез в портфель из кожи нильского крокодила,

которого он собственноручно подстрелил, во всяком случае, это могло бы быть именно так, потому что он старательно целился из эксклюзивной винтовки ручного изготовления, и достал оттуда стеклянную бутылку в виде фляжки односолодового виски двадцатилетней выдержки:

– Это чтоб не так скучно было, – улыбнулся он.

Девушка быстрым движением взяла бутылку и спрятала ее в ящик стола. Папа не любил алкоголь и терпеть не мог, когда кто-то в его окружении выпивал. Даже после официальных приемов, если они все-таки случались еще, он собирал своих помощников и советников и читал им многочасовые лекции о вреде алкоголя. Так что народ предпочитал маскировать свои возлияния под невинное увлечение минералкой или апельсиновым соком, не забывая предварительно наливать туда водку. Нудятина старика кого хочешь заставит изображать из себя алкогольную целку и сексуального трезвенника.

"Она высосет виски из горла", – подумал Геринг. – "Как только я войду к Папе, тут же и засосет. Алкоголичка, хули"".

Маленькие слабости окружающих были той благодатной почвой, на которой расцветал его гений. И самым жирным куском гумуса был сам Папа. На этом пяточке благодатного чернозема он буквально творил чудеса садоводческого искусства.

Марина нажала красную кнопку, и дверь в кабинет мед-

ленно открылась. Геринг вошел внутрь и сказал:

– Эта сучка будет ликвидирована в течении двух-трех суток.

– Офелия? – спросил Папа, не отрываясь от вождения игрушечных паровозиков. Паровозики реалистично дымили и издавали звуки сбрасываемого пара.

– Офелия, да.

– Я ничего об этом не знаю.

– Я знаю, что вы ничего об этом не знаете.

– Вот и хорошо. А теперь иди, Славик, ступай. Видишь, я занят. И скажи той проשמандовке в приемной, что я знаю о ее шашнях с Белобрысым. Как бы чего с мальчиком не случилось...

– Понял. Ничего с ним не случится, Папа.

– Ну и хорошо. Иди уже.

Геринг вышел. Окосевшая секретарша пьяно подмигнула ему. Он широко улыбнулся ей в ответ. Проще всего спросить ее саму, кто такой этот Белобрысый. Чтобы пострадало минимум народа.

3

Когда Геринг вышел, Папа по-стариковски неуклюже поднялся с пола. Паровозики замерли, семафоры погасли. Папа подошел к письменному столу, на котором кроме настольной, отлитой из латуни, лампы с зеленым абажуром и древнего проводного телефона без наборного диска ничего не было – ни листка бумаги, ни, тем более, компьютера. Папа не

умел ни писать, ни пользоваться компом. Также в кабинете не было ни одной книжки в любом виде и формате.

Он снял трубку с телефона. Раздались гудки, потом что-то щелкнуло, и мужской голос спросил:

– Куда звоним?

В голосе не было ни малейших признаков ни почтения, ни даже, если быть откровенным, элементарного уважения. Зато было полно штатовского гонора и ужасающего акцента. Старик на пару секунд застыл, подавляя в себе злость и негодование, а потом сказал нейтральным тоном:

– Надо с ним поговорить.

– Вы уверены?

– Надо поговорить.

– Окей. Вам перезвонят.

В трубке щелкнуло и раздались короткие гудки отбоя.

Папа подошел к двери и нажал кнопку. Дверь открылась. Он выглянул в приемную. Там никого не было.

– Сучка опять отсасывает у Белобрысого, – проворчал он и закрыл дверь.

Паровозики загудели и поехали по рельсам, выпуская клубы дыма и пара.

4

Папа ошибся – Марина не отсасывала Белобрысому. Да никто и не мог сказать точно, кто такой этот Белобрысый, и что именно померещилось старику. Во всяком случае его секретарша точно не знала этого. Геринг убедился в этом

лично, бросая пьяную в жопу Марину на диван в своем кабинете и расстегивая ширинку.

– Белобрысый? Кто это? – хохотала Марина, пока он стаскивал с нее юбку и трусы. – Белобрысый, ха-ха! Папуля ебнулся на головку!

Геринг был того же мнения о Папе, и его такое положение дел вполне устраивало.

– Дай мне выпить! – гундосила Марина. – Я хочу вискаря.

Геринг одновременно шарил по кофейному столику в поисках бутылки, стакана, чтобы налить ей очередную дозу, и пытался засунуть ей своего плохо стоящего друга. Друг выскальзывал, а выпивка лилась мимо цели. Наконец он психанул, сел на край дивана и сказал:

– Сейчас налью!

Он сосредоточился на процессе разлива, не забывая и себя, но когда он повернулся к ней, она уже мирно спала.

– Блядь, вот так захочешь кого изнасиловать, а эти сучки даже не испугаются.

Он выпил виски, закурил (что строго запрещалось!) и примостился с края. До рассвета оставалось не так много времени, а ему надо было выспаться.

5

Жизнь в пределах Бульварного кольца кипела и бурлила. Витрины бутиков ломились от товаров, цены на которые заставляли предположить, что их изготовили на Марсе, а потом срочным двухгодовым рейсом космического челнока до-

ставили сюда, в Москва-Сити, еще горячих от космического излучения и окутанных аурой Больших Денег. Большие Деньги были новой религией, фетишем, черным метеоритом, вделанным в стену мечети в Мекке, золотым тельцом, которому поклонялись в равной степени воодушевленности как на самом верху, так и с самых социальных низов, которые не просто ниже плинтуса, но уже практически живут под асфальтом, не теряя от этого чувства всеобъемлющего позитива при одной мысли о Больших деньгах. Большие Деньги не просто тупо манили и благоухали надеждой, нет, они были воздухом, пищей и смыслом жизни населения внутри Бульварного кольца. Это они, Большие Деньги, заставляли двигаться толпы молодых людей в строгих черных костюмах по утрам на свое место в офисе, где все они приобщались к таинству делания Больших Денег, все они причащались крови и плоти Огромных Бабок, чтобы потом, ровно и строго в 18.00 отправиться назад, вниз по лестнице Иакова, в свои съемные углы за матерчатой занавеской, к своей порции доширака и плечиках, на которые любовно и старательно вешается костюм Служителя, служки или алтарника, культа Больших Денег.

По пятницам Москва-Сити преображался в мексикано-славянский карнавал фриков, гламурных блядей в сетчатых колготках в кожаных юбках, только-только прикрывающих гениталии, но оставляющие большую часть доступно соблазнительных ягодич на публичное обозрение, лже-мо-

тоциклистов без мотоциклов, но в олдскульных косухах, по стоимости превосходящих чуть ли не грузовик вместе с полуприцепом, отвязных чернокостюмных мальчиков с галстуками на плече, и все это в окружении пьяного быдла, не нашедшего правильную дорожку к заветной занавесочке и месту в Офисе, и потому слоняющемуся по улицам Бульварного рая Больших Бабок с пивными бутылками наперевес. Это – праздник Пятницы, великой и ужасной. Единственного времени, когда служителям карго-культа положено оторваться от экрана монитора со столбцами цифр – закалькулированной молитвой к Новому богу.

Иван, по профессии техник-ремонтник биокомпьютерных систем, пробирался сквозь толпу, запрудившую тротуары в поисках Идеального Развлечения, обязанного просто завершить пятничный разгул. Ему было не до развлечений – заказов выше крыши, а работать было некому. Его напарник ушел в запой под видом обострения какого-то там мифического заболевания желудка. Поэтому приходилось работать допоздна, забив на отдых и личную жизнь.

Впрочем, личная жизнь у него не сильно страдала по причине полного ее отсутствия. Его девушка бросила его пару лет назад, а новая как-то не появилась. Или он не там ее искал. Вернее, не искал даже, а ожидал встретить. Внутренне готов был встретить, так сказать. Да что-то все не встречал, а когда встречал, они – возможные его девушки – смотрели строго сквозь него. И еще немного в сторону. Он был для

них частью того мира, который подавляющее большинство россияно-москвичей из дебрей и глубин Бульварного кольца не то, что не понимали, но даже не догадывались, что этот мир можно понимать – все эти генно-кибернетические девайсы, все эти электронно-бионические штучки, все эти органико-процессорные машины, которые он налаживал, чинил и вновь возвращал их тупым, но позитивно мыслящим владельцам. Вот и последний на сегодня вызов был к именно такому типу мажорно-просветленного пользователя. По этому адресу он шел не первый раз и, скорее всего, не в последний.

Он позвонил в видеодомофон и поднес к считывающему устройству свою иденткарту.

Дверь шелкнула замком и открылась, издав при этом одну из самых противных мелодий, которые ему когда-либо доводилось слышать. Он поднялся в лифте на нужный этаж. Лифт, естественно, псевдо-знал, куда ему нужно, так что никаких кнопок нажимать не приходилось.

Клиентка открыла ему дверь:

– Она опять не работает! За что я вам плачу деньги?

Длинноногая тонкокостная стерва, как определял ее про себя Иван. Привыкла все мерять на свои чертовы деньги. Из одежды на ней были полупрозрачные джинсики в обтяжку и такая же майка. Соски ее сисечек почти протыкали тонкую ткань.

"Мы для них не люди", – думал про себя Иван, – "Для них

секс – это деньги, а деньги – секс".

– Где изделие? – спросил он ее хмуро. – Что опять случилось?

– Вон она, – девица ткнула пальцем в направлении анизотропной псевдо-разумной модели комнатной собачки. – Она перестала реагировать на меня!

Собачка, вернее, псевдоморф собачки, действительно сидел без движения. Иван включил сканер и считал данные. Все с ним было в порядке.

– Вы когда его в последний раз кормили? – спросил он эту наглую сучку.

– А что – их надо кормить? – казалось, она впала в умственный ступор.

– Да. Не так часто, как живых, но кормить их все равно надо. И подбирать за ними потом псевдокакашки, – не отказал он себе в удовольствии немного потроллить эту дуру. – Вы же не скажете, что вы такая дура, что не прочли инструкцию?

6

– Я бакалавр филологических наук, – сказала она. – А в технике действительно не разбираюсь. Не мое это...

Он почувствовал себя свиньей:

– Простите. Но они не совсем техника. Они в каком-то смысле живые.

– Мы все в каком-то смысле живые, – сказала она. – И в каком-то смысле разумные.

Потом добавила:

– Вы быстро добрались. У меня не было времени переодеться. Мне неловко перед вами в такой одежде.

Он спросил:

– Вы сказали филология. Иностранные языки?

– Нет, скорее, литературоведение. Я специализируюсь на творчестве одного писателя, начала двухтысячных. Он известен под сетевым ником Фидель.

– Никогда не слышал о таком.

– Это не удивительно. Он запрещен у нас. Было специальное постановление Общественного совета по морали и этике. Его книги внесли в список запрещенной литературы.

– Какой смысл заниматься тем, что запрещено?

– Ну, исследовать творчество они не запретили. Во всяком случае, пока. Вы не возражаете, если я переоденусь? Мне не по себе в таком виде перед...

"Интересно, перед кем?" – подумал он. – "Кто я для нее? Кем я мог бы быть для нее, если бы мы познакомились поближе? Наверное, другом-технарем, которому она звонила бы, когда фототрофный кактус на микрочипах отказывался бы зацвести".

Она, немного помолчав, добавила:

– Вы ведь не откажетесь мне в двух словах объяснить, как надо обращаться с ней?

И она движением подбородка показала на свой псевдоморф, продолжавший все так же неподвижно сидеть на полу

в гибернационном состоянии.

– Ладно, – ответил он. – На сегодня я уже закончил работу.

– Вот и отлично! – улыбнулась она и вышла из комнаты.

Он вздохнул. Потом достал из своего рюкзака с инструментами недоеденный бутерброд и положил его перед "собакой". Псевдоморф активизировался, и Ивану на миг показалось, что тот испытывает к нему благодарность. Но это была, конечно же, иллюзия.

7

Москва-Сити блистал огнями и гремел петардами. Фейерверки подрывались с таким размахом, что казалось, будто вернулась новогодняя ночь. А это был всего лишь вечер пятницы. Толпы разряженных людей слонялись по улицам, лавируя между машин, навечно застрявших в одной гигантской пробке, где большая часть машин стояла то ли на вынужденной парковке посреди улиц, то ли была просто брошена отчаявшимися владельцами, то ли сломалась посреди дороги, то ли все вместе. Пробки давно уже перестали быть транспортной проблемой, слившись в одну большую транспортную катастрофу, и дополнив все прочие катастрофы – жилищную, медицинскую, образовательную, коррупционную, политическую, инфляционную, этническую, экономическую, демографическую, и еще вечную давку в метрополитене. Если у кого, конечно, еще были деньги на метро. Но в пятничный вечер всем было насрать на катастрофы

и недоедание. Потому что надо было весельем убить в себе вечный и застарелый страх. Страх перед потерей работы, и страх перед работой. Страх одиночества, и страх многолюдства и толпы. Страх за будущее, и страх наступления неминуемого будущего. Страх зайти в веселии слишком далеко, и страх недополучить веселья.

Великая блудница, лишенная здорового страстного секса, Пост-Москва бурлила похотью, на которую вечно не хватало времени, денег и желания, кроме одного вечера в неделю, когда народом овладевало массовое безумие, и коллективный гипноз толкал в спину и нашептывал в уши одно и то же – здесь и сейчас будет весело!

Знаменитые московские небоскребы с абсурдными очертаниями, кое-как встроенные между особняками и полуразвалившимися жилыми зданиями, сверкали своими стеклами от салютов и фейерверков, которые грохотом заглушали канонаду, доносившуюся с Периметра. И это абсолютно ничего не ебало.

Иван со своим рюкзаком пробирался сквозь толпу, стараясь держаться подальше от шумных кампаний. Меньше всего ему хотелось сейчас развлечений. Он старался сохранить в себе ощущение удивительной простоты и честности, ощущение, возникшее во время разговора с Дашей – так звали его последнюю клиентку. И поэтому, когда на его пути раздались крики, он машинально свернул в сторону, но обойти привычное побоище правых активистов с пидарасами

было не так-то просто. Лохматые и бородатые активисты в черных одеждах схватились в рукопашную с перекачанными и переанаболенными новейшими препаратами гомосексуалистами. Кажется, на этот раз удача – или евразийский толер-бог – отвернулась от служителей культа толерантного старостианства. Или же препараты у пидарасов были по-настоящему качественными и анаболическими.

Кульτ старостианства в его толерантном изводе процветал. На каждом практически углу стояли или пока только строились многофункциональные церкви-центры, где по утрам проводились служения и молебствия, днем они работали в режиме торгово-развлекательного центра, а ночью тут открывался ночной клуб, или ресторан, или боулинг. Золотые луковки куполов церковно-развлекательных центров далеко не всегда выглядели органично и уместно на фоне новой архитектуры, старавшейся максимально полно использовать малейший клочок городской земли, что зачастую оборачивалось зданиями в виде перевернутой пирамиды, или наклоненных на пугающий угол небоскребов, или вообще нечто, изображающее висячие сады Семирамиды, построенные из деталей машиностроительных заводов. Естественно, купола были без всяких крестов или полумесяцев, или еще каких нетолерантных символов.

Основной заповедью старостианства было соблюдение всех старых заповедей – носи черную одежду старого кроя, не стреги ни волос твоих, ни ногтей твоих, не смейся, ибо

смех есть поклонение сатане и т.д. Не соблюдавших заповедей старостиане должны были "вразумлять". Было два пути вразумления. Первый путь – личным примером. Но вразумление личным примером слишком долгий и малоэффективный процесс, поэтому чаще всего применялся второй, более быстрый и надежный, путь – через страдания. Именно поэтому молебствия и публичные кропления на улицах старостианами прохожих очень часто заканчивалось массовыми потасовками, как только что происшедшая на глазах Ивана. Правда сегодня свою толику страданий отхватили сами правоверные. Ну, и что? "Богу, может, вообще без разницы, откуда эти страдания приходят. Из какого они источника," – подумал Иван. – "А важен для него сам факт".

Когда-то он прочитал одну книгу, где была описана история, как бог поспорил с сатаной, что некий человек, верно ему служащий, выдержит все страдания и не отречется от своего бога. Иван не очень-то понимал, что означает отречься. Наверно, сказать что-то плохое в адрес своего патрона. Или, напротив, сказать что-то хорошее в адрес врага своего босса. Тем не менее, из этой книги следовало, что страдание есть доказательство верности. Ивану всегда казалось, что это очень противоречивая мысль. Но, в конце концов, он не богослов и легко может заблуждаться.

Уже поздно вечером он пришел домой, в свою маленькую квартирку без ванны и душа, но зато с настоящим старинным унитазом, работающим на воде. Квартира состояла из

маленькой комнатки и крошечной кухоньки – огромное богатство для Москва-Сити. Здесь Иван годами испытывал мало кому знакомое чувство полного одиночества. По сути, это тоже огромное богатство.

Ощущение чего-то простого, ясного и честного продолжало тлеть маленьким угольком.

8

Иван возился со своим зверинцем пседоморфов. Муравьи получались лучше всего. Мухи были на втором месте. Было дело, он подолгу отрабатывал полет этих штучек, пока не добился от них высшего пилотажа на уровне собачьих боев асов второй мировой войны. Псевдо-организмы были понятны и доступны. В отличие от женщин.

Его сегодняшняя клиентка – Даша – удивила и почти шокировала его. Она была умна, образована, у ней был вкус – и она обратила на него внимание. Она его увидела, что было редкостью в наше время. Люди перестали видеть. Люди перестали слышать. Тонкая технология общения, казалось, была утрачена навсегда.

Иван мог поклясться, что между ними что-то произошло. С другой стороны, от слишком долгого одиночества ему элементарно могло снести крышу, как подростку в период гормональной перестройки организма. Все, буквально все он мог напридумывать, в ложной надежде эмоциональной и интеллектуальной близости, или душевного экстатического восторга от близости самки в период течки.

Он корпел над своим последним проектом, сидя за рабочим столом в своей квартире-лаборатории. Это был достаточно крупный проект – кот-псевдоморф. Если собаки копировались и программировались достаточно легко, то коты были трудной, практически неразрешимой задачей. Коты – парадоксальные существа. С одной стороны их все любят, а с другой – клали они на всех остальных. Поэтому программирование искусственного кота – высший пилотаж в его профессии, и, насколько ему было известно, эта задача так и не была еще никем удовлетворительно разрешена.

Рабочее название проекта было Ночной Кот. Иван не знал, почему он решил назвать его именно так. Наверно, услышал когда-то и это имя, ник или прозвище отложились в синаптических структурах его мозга. Ночной Кот, кто ты?

Специально для своего кота он заказал особые сенсоры для глаз и сейчас аккуратно и неторопливо монтировал их на место. Эти сенсоры охватывали все известные спектры, включая рентген. Иван восхищался их совершенством, предпочитая не думать, в какую сумму они ему обошлись.

Он закончил монтаж далеко за полночь. Город за окном не спал. Город вообще никогда не спал. Город развлекался, сверкал рекламными голограммами, гремел петардами. А в его жилище-лаборатории, в его маленьком алтаре кибер-бионики, было тихо и уютно. Кот сидел перед ним, готовый к полевым испытаниям.

Иван еще раз прошелся по всем системам, проверил за-

шифрованный канал связи, проверил навигацию и протестировал программу на ошибки. Все работало. Он немного помедлил, наслаждаясь последними штрихами процедуры проверки перед запуском, а потом включил своего Ночного Кота. На мониторе появилась картинка – взгляд на мир через новейшие никоновские супер-сенсоры.

Иван посмотрел на экран. И оказался посреди радиоактивной пустыни.

9

Геринг проснулся внезапно, будто от толчка. Марины уже не было. Он посмотрел на часы старинной японской сборки – было около девяти часов утра. Довольно рано для него, обычно он вставал часов в 11-12. Однако сегодня у него было дело, и ему надо было уже поторапливаться.

Он увидел на столике возле дивана бутылку с остатками виски, машинально взял ее в руку и сделал большой глоток. Божественный напиток заструился по его крови. В голове зашумело и золотые мысли смешались с нежными чувствами.

"Дело", – подумал он. – "Дело прежде всего. Эти дела"... И внезапно понял, что понятия не имеет ни о каком деле. Что за дело? В чем, в чем оно состоит? Он не знал. Это было странно.

"А все алкоголь", – сокрушился он. – "Надо уже завязывать с выпивкой".

Выпивка, бляди, жажда власти. Что за власть? Власть блядей и выпивки. "Еще эта сучка Марина!" Он сделал еще один

глоток и по дрожанию своих пальцев осознал, что понятие не имеет ни о какой Марине. Он чувствовал легкий аромат ее духов и запах ее пизды, но не знал, ни кто она, ни куда она делась, ни где ее искать.

Он прошел в ванную, чтобы умыться и привести себя в порядок. Включил воду и стал чистить зубы. Вдруг он почувствовал на языке что-то лишнее. Он вытащил этот посторонний предмет и сполоснул его.

Оказалось, в его руке был зуб. Он поднял глаза и взглянул в зеркало. И увидел там ссохшегося старика. И тогда он завопил, но тот старик смог выдать из себя только хриплый писк.

10

Телефон старинной конструкции зазвонил, когда Папа собирался уже идти спать. Он прошаркал к нему и снял трубку. Паровозики, которые он забыл выключить, сновали у него под ногами и мешали сосредоточиться на предстоящем разговоре.

– Алло, – сказал он в трубку.

– В чем там у вас дело? – голос был недовольным.

– Мы нашли ее, – сказал он, стараясь придать голосу бодрость, которой он вовсе не ощущал. Напротив, он чувствовал себя старым и уставшим.

– Кого?

– Офелию.

– Кто такая Офелия? – голос превратился в издеватель-

ский шепот.

Папа понял, что не знает ответа на этот вопрос.

Глава третья

1

ФИДЕЛЬ:

Сергей Сергеич, "Че", как он звался в Сети, пропустил нас с Утенком вовнутрь, а потом привел в действие сложный механизм дверного замка. Замок явно имел гидравлический привод, судя по резиновым шлангам. Толстые штыри из закаленной стали вошли в отверстия в стене. Ничего не скажешь, надежно.

Хозяин квартиры предложил нам вместо стульев какие-то ящики, явно использовавшиеся раньше в качестве тары для неких высокотехнологичных агрегатов. Ящики были изрисованы трафаретами на куче языков.

Оглядевшись, я понял, что стойки с непонятной аппаратурой скорее всего были забиты этими самыми агрегатами. Они гудели, мигали диодами и были соединены между собой кабелями, толщиной с девичью руку.

– Откуда вы знаете про таксеров? – спросил я его.

– А в новостях передавали, – живо откликнулся он. – Вот, смотрите.

Он включил плазму. И действительно, в новостях крутили сюжет о перестрелках на улицах. Потом показали пару десятков подожженных в разных концах города броне-тачек

с шашечками. Диктор нес какую-то чушь о возобновлении войны за сферы влияния среди таксерских кланов.

Это было довольно странно, учитывая, что вся эта заварушка началась минут =двадцать назад. Когда они успели снять и смонтировать сюжет, длившийся минут 15?

– Я вижу, вы немного удивлены? – мягко поинтересовался хозяин.

– Ну, да.

– Вы удивитесь еще больше, если я скажу вам, что этот выпуск новостей крутят с самого утра...

– Этого не может быть.

– И тем не менее, это так.

Он достал откуда-то бутылку "Столичной" и разлил по каким-то непонятного происхождения сосудам:

– Не спрашиваю, будете ли... Ответ известен заранее!

– Это да... Но как они могут передавать новости, которые еще не произошли?

– Вы задаете одновременно два разных вопроса, – ответил он, ненадолго задумавшись. – Когда именно происходят события? И когда они становятся известны? Если додумать мысль до конца, то получается, что реальные события должны быть реальными, независимо от нашей осведомленности о них. Тогда вопрос стоит так – как они утром узнали о том, что лично вам стало известно только недавно, не правда ли?

– Типа того.

– Я спрошу вас вот о чем... Но вначале давайте выпьем!

Мы чокнулись и выпили.

– Вы не ощущаете, что мы все живем с каким-то неправильным временем?

На секунду мне показалось, что со мной говорит шизофреник. Я уже разглядел нездоровый блеск у него в глазах. Да, практически несомненно – он шизик!

– Не торопитесь с ответом, – снова мягким тоном как бы предупредил он мои выводы о себе. Я знаю, кто такая Офелия.

– Все знают, кто такая Офелия, – ответил я. – Все, кроме меня. И вот еще Утенок не в курсе!

– Вы довольно близки к истине, сами того не подозревая. Вы ведь действительно нихуя не знаете!

Выражение "нихуя" в его исполнении прозвучало не просто нарочито – это было бы понятно и объяснимо, – нет, он нарочито подчеркнул нарочитость этого выражения в своем исполнении.

– Не верите мне? Тогда ответьте на несколько простых вопросов.

Я не понимал, к чему он клонит, и снова мысль о шизофрении дала о себе знать.

– Спрашивайте, – сказал я.

– Вы ведь сегодня ездили домой, чтобы проведать дочек, не правда ли?

Я внутренне напрягся: "Откуда он знает об этом?"

– Да, – ответил я, решив не скрывать правду, если в этом

все равно не много смысла.

– И как, проведали?

– Да, все нормально.

– Точно все нормально?

– Естественно.

– Что они делали конкретно, когда вы пришли?

– Ну, старшая... Старшая ничего не делала, а младшая училась.

– А как их зовут?

– Кого, дочек?

– Да, их как зовут.

У меня как-то странно разболелась голова.

– Их зовут... Старшую зовут...

– Маша?

– Да, Маша!

Боль не проходила, но и не становилась сильнее. Как будто ныл перед дождем простреленный сустав.

– А младшую Катя?

– Ну, конечно!

Как я мог сомневаться в этом. Я прекрасно знал своих дочек. Я жизнь бы отдал за них.

И тут он задал непонятный вопрос:

– А на что живут ваши дочки?

– То есть?

– Ну, они же должны что-то есть, одеваться во что-то...

Откуда они берут деньги?

Я облегченно вздохнул:

– Деньги я им подбрасываю!

– И сколько вы сегодня им подбросили?

– Да сколько было! Мне для них ничего не жалко.

– Это понятно, что вам для них ничего не жалко, но ответьте на мой вопрос – сколько у вас было денег?

– Я не помню.

– А вы откуда деньги берете сами?

В комнате стало тихо. Только непонятные агрегаты продолжали гудеть и мигать своими светодиодами. Если честно, я понятия не имел, откуда у меня берутся деньги. И были ли у меня когда вообще какие-нибудь деньги. И я понятия не имел, как вообще выглядят эти "деньги".

2

Папа положил трубку на рычаги телефона. Он ничего не понимал. Поэтому надо было с кем-нибудь посоветоваться. Он нажал кнопку вызова. Никто не пришел. Тогда он вышел в приемную. Секретарши не было. Он открыл дверь и выглянул в коридор. В коридоре было пусто и тихо.

– Эй, – негромко окликнул он неизвестно кого.

Никто не отозвался. На секунду он задумался, а потом пошел шаркающей своей походкой по коридору, неловко постариковски отмахивая тонкой правой рукой, а другую прижимая к боку.

"Я еще могу", – думал он. – "Есть еще порох. Борцовская закалка дает о себе знать".

Ему представлялись стены кремлевского дворца, все в позолоченной лепнине, уходящие куда-то вверх, на недостижимую высоту. Все залито ярким торжественным светом. Караул стоит не шелохнувшись, с каменным выражением лиц. А он идет сквозь ряды аплодирующих ему людей знаменитой своей походкой, с едва заметной раскачкой и широкой отмашкой одной рукой. Их лица сливаются для него в одну заискивающую, самодовольную, презрительную, раболепную, хитрую, ликующую и ужасающуюся морду. Эта морда правит им при помощи своей трусости и тупости. Она командует им своей лестью и презрительно-усмешливым, показным и нарочитым, почитанием, втайне глумясь над ним, завидуя и ненавидя. Но сегодня его день, и морда настоящих правителей восторгается его успеху, его победе, его сиюминутной славе, и его пожизненному рабству у них, рабству мальчика на побегушках, обоссанного бомжа на кирпичном заводе, халдея в дешевом пивняке. Его день, его инаугурация, восхождение и час расплаты. Он идет через толпу один, маленький и беззащитный властелин, чтобы принести им свою клятву верности. Он ощущает себя девственной жертвой, восходящей на алтарь для жертвоприношения во имя власти, богатства и могущества всех этих лоснящихся рож, морд и рыл.

Внезапно он спотыкается и едва не падает, с трудом сохранив равновесие. Оглядевшись, он понимает, что находится в незнакомом ему месте. Стены коридора покрыты какими-

ми-то склизкими наплывами, пыльной паутиной, потеками маслянистой на вид жидкости.

"Кое-кто ответит за это безобразие", – подумал он. – "Здесь срочно требуется ремонт! Бездельники, только бы деньги им пиздить, а работать один я должен".

Он посмотрел под ноги и при свете грязных запыленных ламп увидел, обо что он споткнулся. Это был давно мумифицировавшийся труп с детским паровозиком в ссохшихся руках.

3

Иван дважды перепроверил глазные сенсоры у Ночного Кота – все было в полном порядке. Все, за единственным исключением – эти сенсоры видели вовсе не то, что было на самом деле!

Вместо сверкающего и переливающего красками ночного Москва-Сити его детище упорно видело радиоактивные развалины мегаполиса, среди которых ветер носил хлопья пепла и всякий обугленный мусор.

Иван, наконец, полностью активизировал все системы псевдо-морфа, запустил блок мотивации и открыл ему дверь на улицу. Ночной Кот зашипел и скрежеща когтями по полу рванул под кровать. Там он и сидел, воя дурным басом, пока Иван не закрыл входную дверь. И ни за что не желал вылезать оттуда, как Иван ни игрался с настройками блока мотивации. Только шипел и сверкал из-под кровати зеленоватым светом никоновских сенсоров.

Иван решил, что это глюк программы, а, может, полетел центральный процессор. Или у его кота органическое поражение головного мозга. Или он наглотался галлюциногенов, что вообще-то было бы странно, но в качестве возможного объяснения вполне годилось.

На сегодня он решил покончить со всеми делами и потянулся было к пульту дистанционного управления псевдоморфного своего котика, но потом передумал и оставил того сидеть под кроватью и сверкать глазищами. Где-то в глубине души у Ивана теплилась вера в то, что они, его псевдоморфы, живые.

Внезапно, поддавшись импульсу, Иван взял телефон и набрал номер, стараясь не думать, что уже слишком поздно звонить малознакомой девушке, которой он ни каким боком не нужен. Правда, она сама дала ему свой номер, но предполагалось, что ей можно будет звонить по-дружески, а не так поздно, да еще и через пару-тройку часов после того, как он ушел из ее квартиры. Все эти мысли пронеслись в его голове, пока он слушал долгие гудки в телефоне, и он едва удерживался от желания отключиться, как в его телефоне раздался щелчок соединения:

– Алло, – услышал он ее голос и поразился его нежности и сексуальности.

– Это Иван, я...

– Привет, любимый!

ФИДЕЛЬ:

Сергей Сергеич едва уловимо улыбнулся, без насмешки, с пониманием. Потом указал на свою непонятную по назначению аппаратуру:

– Если бы не эта установка, наш разговор не мог бы состояться. Это супермощный компьютер, стабилизирующий время лично для меня. Он работает на псевдоморфных процессорных улитках. На данный момент это самая производительная и пластичная элементная база для супер-компов.

Он разлил остатки "Столичной":

– Итак, в основе реальности лежит знание. Примем это за постулат. То, что мы знаем, – это наше прошлое. То, что мы знаем, но доказать не можем, есть наше настоящее. Будущее не знает никто. Такова структура реальности, иначе время. А что будет, если мы встретимся с тем, что было до знания? Не в смысле по времени до, а в смысле, ведь было же нечто реальное, когда знание еще не структурировало реальность. Иначе нечего было и структурировать, не правда ли?

– Это чистая философия, – пробормотал Утенок. Я не мог с ним не согласиться. С философией у меня вообще напряги.

– Да, – сказал я. – У меня с философией вообще напряги!

– Да ну? – деланно удивился Сергей Сергеич. – Это у вас-то с философией напряги? У вас?

Что-то в его тоне заставило меня внутренне подобраться. Как если кролик учуял запах удава.

– Да, у меня, – ответил я. – Именно у меня.

– Это почему же у вас напряги с философией? – Сергей Сергеич, казалось, наслаждается ситуацией. – С чего это вы взяли?

– Наверно, мозгов не хватает, – буркнул я.

– Где же вы свои мозги оставили? Неужели, в прошлом?

– Наверно.

– А что у вас было в прошлом? Кем вы вообще были в прошлом?

Я задумался. Нечто неясное шевелилось у меня в голове. Какая-то мысль или воспоминание. Или ощущение. Или предчувствие.

– Я всегда был бойцом, – сказал я. – Подполье. Политическая борьба. Все такое.

– Что вы говорите! – воскликнул хозяин, встал и откуда-то из глубин стенового шкафа достал запыленную книжку. – Тогда позвольте мне подарить вам вот это.

Я взял книгу и прочел название "Структура реальности. Философские исследование времени и бытия". Имя автора мне ничего не говорило. Я перевернул книжку. На задней обложке была аннотация и фотография автора. Моя фотография.

5

ФИДЕЛЬ:

– Вы нашли меня в гугле по запросу о челябинском метеорите... Не стоит так удивляться, мои улитки могут очень многое! Собственно, они-то и подсунули вам ту ссылку. Я

расскажу вам одну давнюю уже историю. Тот метеорит... Он был вовсе не метеоритом.

– А чем же он был? – поинтересовался Утенок. – Там нашли обломки...

– Никаких обломков не было. Спецоперация по дезинформации населения.

– Ну, это была комета из льда. Какая разница?

– И не комета.

Я не выдержал:

– Что же это было на самом деле?

– Частица вещества Творения.

– Бозон? Черная дыра? – я не понимал к чему он клонит.

– Нет. То, что было до всяких бозонов и черных дыр. То самое Ничто, из которого Господь сотворил небо и землю. То, что было до всякого времени и знания.

– Первичная неопределенность? – поинтересовался я, сам удивившись этим словам.

– Да, – ответил Сергей Сергеич, внимательно посмотрев на меня. – Это была первичная неопределенность, о который вы писали в первой главе вашей книги.

– Надо ли понимать... – сказал Утенок. – Надо ли понимать, что никаких инопланетян не было? И иноземных существ тоже?

– Ну, почему же? – удивился Че. – Инопланетяне как раз есть! Гасты – инопланетяне. Офелия инопланетянка. Не в том смысле, в каком вы думаете. Эти... Эти существа воз-

ники, когда первичная неопределенность воздействовала на человеческое днк.

– Каким это образом? О жертвах, вроде бы, ничего не сообщалось, – спросил Утенок.

– А жертв и не было. Были объекты секретных экспериментов. А потом произошла катастрофа.

– В Печатниках? – спросил я, заранее зная ответ.

– В Печатниках, – согласился Сергей Сергеевич. – Там был научно-исследовательский центр. Из всего персонала выжила одна лаборантка. А потом появились гасты.

6

Геринг очнулся на диване в своем кабинете. Рядом с ним похрапывала голая Марина.

"Блядь, что за сны мне снятся в последнее время?" – подумал он, рукой теребя восстающую плоть. Потом пристроил свой аппарат куда-то внутрь девичьей попы, явно знающей о сексе все и даже больше. Марина даже не проснулась или сделала вид, что не проснулась. Его это, впрочем, не ебало. Ебал как раз он, ебал секретаршу своего шефа. Ебал не торопясь, но и не мешкая. Марина начала постанывать, ритмично подмахивая ему свой благодарной попой. А потом протянула руку и схватила все его хозяйство неожиданно сильной рукой. Чтобы он не вырвался в последний момент. Чтобы все его семя до капли досталось ей одной, самке, откусывающей голову самцу перед коитусом.

Он застонал и кончил, но она продолжала двигать тазом,

не выпуская его детородный орган из хозяйских пальчиков. Ей было мало. Ей нужен был самец уже без головы, но с гордо задранной в небо залупой, на которой она могла бы прыгать, танцевать, смеяться над дешевыми шутками из телесериалов, драть свое стыдливое сокровище и ощущать липкую горячую сперму на внутренней стороне идеальных бедер.

Он уже ничего не хотел, а Марина стонала все громче и все размашистее становились ее движения, а ее пальцы все крепче сжимались вокруг его ствола, уже выпустившего весь свой заряд. Она сгребла с корнем его яйца, бесцеремонно, бесчувственно, без оглядки, без нежности. Она как бы говорила ему:

– Ты хотел ебаться, да? Ты хотел меня выебать? Ты хотел меня изнасиловать? А вот я теперь изнасилую и выебу тебя! Тебя, кусок чужого мужского тела. Ты просто мясо, которое я съем. Это я поимею тебя. Я выебу тебя и выжму из тебя все твои соки, потому что я – самка, я – пизда живородящая, я – хищница, а ты овощ, ты – корнеплод. Ты уебок и обсос, случайно засунувший свой хуй в святая святых, в меня, в поисках развлечения. Ты идиот. Ты никто и зовут тебя никак. А я – царица уёбков и обсосов, во главе с твоим Папочкой – первым уёбком и обсосом в стране уёбков и обсосов.

Геринг оцепенел от этого сексуального напора и энергии. Он привык быть манипулятором и привык владеть ситуацией, а тут ситуация явно вышла из-под его контроля. И еще что-то ему мешало, даже если не брать во внимание общую

абсурдность происходящего. Что-то кололо ему ягодицы. Он нащупал этот предмет и машинально поднес его к лицу. Это был зуб. Его зуб.

7

Иван шел по ночным улицам, его кот-псевдоморф шастал где-то рядом, лишь изредка показываясь ему на глаза. «Полевые испытания», – усмехнулся Иван. Ночной Кот выпущен в реальный мир, пробует его на вкус и запах. А также на цвет, поскольку его Кот видел цвета даже в темноте. И еще на вшивость, хотя для этого пришлось дописывать большой кусок программы, кусок, отвечающий за проявление безрассудства в ситуации неопределенности.

Изредка Иван поглядывал на экран своего телефона, где специальная программка транслировала ему поле зрения его маленького кибер-хищника. Хорошо было уже, что его котик не видел больше ни обугленные трупы, скорчившиеся в позе боксера, ни перекрученных адским огнем металлических конструкций среди дымящихся развалин, ни серого радиоактивного пепла, сыплющегося из пирокластических облаков. Однако эта картинка стояла у Ивана перед глазами, так, что он невольно держал экран телефона на некотором отдалении, как бы опасаясь вновь пережить тот шок, который он испытал недавно. Он грешил на графический процессор своего псевдоморфа, но смутные предчувствия некоторой неуловимой угрозы заставляли его держать себя в напряжении. Тут явно крылся какой-то подвох, причем под-

вох глобальный, неустрашимый и неизбежный. Что-то вроде всемирного пиздеца, причиной которого станет неправильно поставленная запятая в расчетах физиков-ядерщиков.

Он постарался выбросить все эти мысли из головы и сосредоточиться на цели своей ночной прогулки. А цель была на все сто процентов удивительна, загадочна и таинственна. Эта цель была Даша. Их разговор по телефону заставлял его руки дрожать, а ноги его делались непослушными и слабыми, как будто его парализовывал животный страх или видение божественной славы.

Даша признавалась ему в любви, ему, кто в присутствии красивой девушки мог вообще потерять дар речи. Но самое поразительное для него было то, как он ей ответил, не задумываясь и не размышляя, на полном автомате. Он сказал ей:

– Родная, я по тебе соскучился.

И тут же понял, какую глупость он сморозил, но отчего-то не стал ни извиняться, ни превращать все в шутку или розыгрыш. А дальше все происходило в каком-то замедленном ритме, будто под водой. Он услышал:

– Давай бери там свои кости в охапку и пиздуй ко мне!

– Уже иду! – ответил будто и не он, а кто другой, из другой жизни, из другого времени и пространства. – Вот только кота своего захвачу. Ты не против?

– Вечно ты со своим котом возишься! – усмехнулась она. – Ладно, иди уж скорее.

– Это не простой кот, – сказал он.

– Я знаю, – ответила она. – Это же Ночной Кот!

И отключилась. И теперь он шел к ней, не понимая ровным счетом ничего. А его кот стремительной тенью носился вокруг него, своим безрассудством побеждая глобальную неопределенность.

8

Улицы были плохо освещены, пятничный вечер закончился, и город снова жестко экономил электроэнергию. Редко попадавшие прохожие выглядели угрюмыми и подавленными, что не удивительно, учитывая градус веселья накануне вечером. К тому же многие из них шли на свою мерзкую работу ночных клерков и менагеров, работу, которую они выполняли в неосвещенных своих офисах и конторах.

Иван уже почти добрался до дома, в котором его ждала загадочная и непредсказуемая девушка, когда на его телефон пришла смска. Он посмотрел на экран, там было написано с неизвестного номера:

НЕ ХОДИ К НЕЙ ОНА ТЕБЯ ПРЕДАСТ

«Что за чертовщина», – удивился Иван. – «Никто не может знать, куда я иду. Да и неинтересно никому это». Он решил, что кто-то ошибся номером, но смутное беспокойство неясной тенью проскользнуло через его сознание. И тут же вторая смска заставила его руки задрожать:

И ОТКЛЮЧИ КОТА ЕЩЕ НЕ ВРЕМЯ

Иван поискал глазами кота, но нигде его не увидел. Тогда он переключил телефон в режим поля зрения своего трудно-

го детища и увидел на экране свой силуэт. Ночной Кот сидел на тротуаре в десятке метров от него, сидел неподвижно и, казалось, пристально вглядывался в лицо Ивану. А потом кот жалобно мяукнул и повалился набок.

Иван подошел к нему и взял его на руки. Псевдоморф был неподвижен, но не полностью дезактивирован. Он дышал и электромеханическое его сердечко, любовно сконструированное Иваном и составлявшее предмет его профессиональной гордости, часто билось. Никоновские сенсоры излучали зеленовато-лунное свечение. Так со своим котом на руках он и поднялся к своей таинственной возлюбленной, если, конечно, верить ее словам.

Даша открыла ему дверь и едва успел он войти, и положить своего оцепеневшего кота на крохотный то ли диванчик, то ли кресло возле двери, бросилась ему на шею и поцеловала в губы. Иван опешил, но не сопротивляться же ему красивой девушке, решившей сократить весь этот период ухаживаний, звонков и свиданий?

После поцелуя Даша, не выпуская его из своих объятий, посмотрела ему в глаза долгим взглядом и сказала, просто и буднично:

– Я тебя люблю!

В это самое мгновение раздался сигнал пришедшей смски. Иван знал, что там будет написано, но посмотрел на экран своего телефона:

НЕ ВЕРЬ НИ ОДНОМУ ЕЕ СЛОВУ

ФИДЕЛЬ:

Назад к себе мы возвращались с Утенком в полном молчании. Я позвонил в штаб и за нами выслали импровизированный броневик – древний быюик, снаружи обваренный стальными листами с пропиленными в них явно болгаркой прорезями-бойницами. Внутри было тесно, пахло порохом и горелым машинным маслом, но нам было не до удобств – задание надо было выполнить во что бы то ни стало, хотя бы для того, чтобы не сойти с ума от всей этой бессмыслицы, что навалилась на нас... А когда она навалилась? Я уже не знал ответа на этот вопрос.

Утенок листал книжку с моей рожей на обложке, я курил и смотрел в щель бойницы. События последних суток все не могли уложиться у меня в голове. Слишком много фактов, слишком много противоречивых данных, слишком много нестыковок и несуразностей. После разговора с Сергеем Сергеевичем я уже по-новому смотрел на тот мир, который считал своим, привычным и незыблемым.

Он рассказал нам с Утенком, что вещество Творения, найденное на месте падения челябинского метеорита, обладало немислимыми свойствами, начать с того, что формула Эйнштейна $E=mc^2$ в отношении него была неприменима. Я сильно удивился этому утверждению, а потом удивился еще раз своему удивлению – откуда мне, простому бойцу национального сопротивления, было знать о формулах Общей

Теории Относительности? Далее, вещество Творения создавало особое энерго-информационное поле, само существование которого опровергало эйнштейновский постулат одновременности событий. Пространственно-временной континуум под воздействием Первовещества приобретал свойства хаотичной сингулярности и стохастически проявляющихся псевдо-релятивистских эффектов. Самое смешное, что я почему-то прекрасно понимал, о чем идет речь.

– Они что, это вещество лопаточкой под Челябинском собирали? – усмехнулся Утенок. Все-таки университетское образование давало о себе знать!

– Это отдельная история, – на полном серьезе отвечал ему Сергей Сергеич. – Местные жители вскоре после падения метеорита стали жаловаться на... Как бы сказать это помягче... Они жаловались, что их умершие родственники приходили к ним в гости. Некоторые получали письма от своих внуков, которые должны были родиться через двадцать лет. Все такое.

– Зомби и путешествия во времени? – спросил я, стараясь, чтобы у меня не дрожал голос.

– Зомби и путешествия во времени, – охотно подтвердил Сергей Сергеич. – Вот как с вами, примерно.

– А что со мной? – не понял я. – Что со мной не так?

– А все с вами не так! – обрадовал меня наш безумный профессор.

– Вы попали в одну из сингулярностей и не можете выйти

за горизонт событий. Только тут, у меня в квартире, вы можете получить шанс на выход за пределы той цепи событий, которая закольцована на саму себя. Что-нибудь слышали о рекурсии?

– У вас, естественно, есть волшебная палочка, которая расколдует меня? – усмехнулся я.

– У меня есть мои волшебные улитки, – сказал Сергей Сергеич с нездоровым, как мне казалось, блеском в глазах. И добавил:

– Именно сейчас они подходят к решению последнего уравнения.

10

Иван проснулся, когда рассвет еле-еле брезжил в окне на фоне пасмурного неба. Он лежал голый в постели Даши. Их одежда была разбросана там и тут по комнате, как останки павших воинов на поле битвы. Битвы за продолжение человеческого рода во имя сокрушения главы змия из преисподней – змия бессилия, одиночества, вырождения. Иван смотрел на их вещи на полу, и на губах у него застыла невольная улыбка. Он не мог поверить в такую простоту и доступность своего счастья, ему всегда казалось, что он недостоин по-настоящему глубокой любви, по-настоящему простых и ясных отношений. И в то же время он всегда в глубине души знал, что это с ним рано или поздно произойдет – любовь, глубокие чувства, прочные отношения, простота и ясность, заставляющие невольно улыбаться по утрам.

Даша спала, отвернувшись от него, подставив его умиротворенному взгляду тонко вылепленную шею и изгиб своего обнаженного плеча, напоминающего силуэт крыла большой птицы. Иван встал с постели, со всей осторожностью, нежностью и любовью стараясь не потревожить сон своей возлюбленной. «Возлюбленной?» – поймал он себя на мысли. – «Как это вообще могло случиться?» Он не знал ответа на этот вопрос, а сейчас к тому же и не хотел ничего знать. Знание – очень опасная штука. Знание может рассеять чары и лишить последних иллюзий. Ему вспомнились слова, которые он когда-то и где-то прочитал: «Как страшно знать, когда от знания нет счастья нам». И сейчас, на цыпочках выходя из комнаты, где спала его девушка, после ночи самого потрясающего секса с самой прекрасной женщиной на свете, он не хотел ничего знать. Его устраивала Вселенная, как она есть. Его полностью устраивал ход событий в его жизни, даже если этот ход событий был полностью вне его контроля. О, он будет осторожен и хладнокровен, как хирург, оперирующий на сердце, или как сапер, разминирующий пятитонную бомбу.

Рассвет уже перешел в хмурое утро, а Иван сидел на кухне и смотрел в окно. Его кот лежал там же, где он его оставил вчера, только переступив порог Дашиной квартиры. Ивану

не хотелось ковыряться с ним, времени у него будет предостаточно, чтобы устранить все глюки программы Ночного Кота и все косяки по его железу. Псевдоморфная модель котика вполне оправдывала свою репутацию в узких кругах специалистов по био-виртуальной реальности – она была немыслимо сложна, капризна, непредсказуема, и тем самым полностью удовлетворяла его любопытство и стремление во всем добиваться совершенства.

Внезапно Иван вспомнил, что у Даши ведь тоже есть псевдоморф-собачка. Он сам его «кормил» своим бутербродом вчера. Но теперь этой комнатной псины нигде не было видно. «Наверно, опять не покормила игрушку», – подумал Иван, внутреннее усмехаясь. – «Эти женщины...» Он решил, что ее псевдоморфом надо будет заняться как-нибудь, откалибровать блок физиологических потребностей, чтобы бедная кибер-зверушка хотя бы лаяла, когда приходит время ее «кормить».

Он поискал псинку на кухне, посмотрел в прихожей, стараясь не шуметь, заглянул в ванную. Псевдоморфа нигде не было видно. Это было немного странно, но Иван решил, что их бурный ночной секс напугал собачку, и та могла забиться куда-нибудь под диван в комнате, где мирно спала Даша.

Экран его телефона засветился и на нем появился текст смс:

ЗАГЛЯНИ В ШКАФ В ПРИХОЖЕЙ

Иван машинально подошел к шкафу и открыл дверцу. Растерзанное тельце псевдоморфа лежало там грудкой окровавленной плоти, клубка проводов, мешаниной датчиков и микросхем. Его глазные сенсоры, казалось, застыли в недоумении. Руки Ивана тряслись крупной дрожью, усилием воли он заставлял себя думать, что псевдоморфы не живые и не способны чувствовать боль. Наконец, он вышел из оцепенения и кинулся к Даше, не зная, что и думать и как ей сообщить о случившемся.

– Даша, там... – сказал он, подходя к кровати.

Даша уже проснулась и смотрела прямо на него. Глаза ее расширились, она будто что-то хотела ему сказать, но не могла. Наконец, она совлала с собой и произнесла свистящим шепотом:

– Кто вы? Что вам от меня надо?

11

Папа проснулся, сидя скорчившись за столом в кабинете. Спина и шея затекли от неудобной позы. Он с трудом разогнулся и пошевелил плечами, разгоняя густую старческую кровь по телу.

«Сны такие странные снятся», – подумал он с досадой. – «А все старость. Раньше бегал, как мальчик, и спал, как младенец, и хоть бы хуй было, а теперь...» Его мысль завязла,

как завязла его венозная кровь в дряблых мышцах.

А теперь он сидел за своим огромным столом, на котором ничего, кроме телефона старинной конструкции не было. То есть, обычно не было. Сейчас на нем лежал клочок бумаги, что было явным и очевидным непорядком. Папа терпеть не мог никаких бумаг и много лет ничего не подписывал и не читал. Ему было достаточно редких разговоров с несколькими людьми из своего ближайшего круга, чтобы управлять и властвовать над тем, что еще оставалось от его страны, что еще не откололось и не суверенизировалось, что пока что контролировалось его аппаратом, его знаменитыми ухмылками и редкими словечками, которые каждый понимал по-своему, но его это полностью устраивало. Серая незаметная власть, которая, однако, может ударить в самый неожиданный момент, ударить исподтишка, но безжалостно и неумолимо. Абсолютная власть над теми, кто еще признавал его власть, или делал вид, что признает, или вообще не догадывался о его существовании.

Его власть ограничивал только этот телефон у него на столе. Само существование этой линии связи было самой тщательно охраняемой государственной тайной. Даже его секретарша не догадывалась об истинном значении старинного аппарата, считая его присутствие на столе проявлением стариковского чудачества Папы, точно таким же, как его паро-

возики, подводную лодку в Москва-реке или слюняво-бес-
сильный роман с пятнадцатилетней баскетболисткой. Каж-
дому свое, ей и не положено разбираться и понимать, как
управляется его Государство, его личное любимое детище,
плод его много-многолетних подтасовок, откровенной и наг-
лой лжи, тайных убийств и громких похищений, шантажа
детьми и оголтелой нахрапистой пропаганды, заговоров про-
тив заговорщиков и политических процессов над случайны-
ми людьми, взятыми прямо с улицы. Его личное Государство
принадлежало целиком и полностью ему, да, но только до
тех пор, пока не зазвонит вот этот телефон у него на столе.
Можно сколько-угодно развлекаться своей неограниченной
властью, но все, что говорится из этой черной трубки, надо
исполнять немедленно и буквально, Папа зарубил это себе
на носу раз и навсегда.

Самое смешное, что он понятия не имел, с кем он разго-
варивает по этой сверхсекретной линии. У него были толь-
ко догадки и предположения, и только. Обычно он называл
своих неизвестных собеседников «пидарасами»: «Эти пида-
расы совсем охуели!» Мировая закулиса иногда доводила его
до бешенства, и тогда он бегал по кабинету, брызгая слюной
и размахивая руками. Правда, тщательно запирать изнутри
дверь он при этом не забывал. Кто они? Чего им надо? Он
не понимал и считал это своей высшей и неоцененной ни-

кем жертвой во имя Родины, во имя своего Государства, во имя всех этих мандавошек и гандонов, которыми ему приходилось руководить, над которыми ему назначено судьбой властвовать и которыми ему приходится править.

Однажды этот телефонный аппарат сломался и его тайная охрана еле-еле смогла найти старого электрика, который бы смог его починить. Не потому, что телефон был сложен, но, напротив, он был слишком прост и неказист внутри, чтобы эти нынешние умники могли разобраться в его устройстве. А старик-ремонтник соединил два проводочка на скрутку, и все заработало. Правда, за это время успел разориться Госбанк... Так что Папа всегда с опаской и настороженно поглядывал на этот символ своего бессилия.

А сегодня между ним и телефоном лежал клочок бумаги. Он взял его в руки и по-стариковски отодвинув от себя как можно дальше – очков он не носил и терпеть не мог – прочитал:

«Фидель не должен встретиться с Офелией».

И эти слова были написали им самим.

Глава 4

Иван опешил, он не верил своим ушам и глазам – Даша оцепенела, как накануне оцепенел его кот, которого он при- тащил с собой, как мягкую игрушку, она явно не узнавала его, что было настолько безумно, будто он оказался в ночном кошмаре, а воздух вокруг него приобрел плотность воды и ему хватит дыхания только на пару минут, а потом вода хлы- нет в рот и нос, в гортань и бронхи, вытесняя из альвеол его легких живительный кислород.

Как она могла забыть его, если еще вечером повисла у него на шее, просунув ему в рот свой язычок в долгом поце- луе, а нежными пальчиками расстегивая ему джинсы, чтобы несколькими легкими прикосновениями вызвать к жизни – из небытия на свет – его грешный уд? А потом она опусти- лась на колени и взяла в рот его пенис, лаской придавая ему окончательную твердость.

А сейчас она застыла в ужасе, остановившимся в ступоре взглядом смотря сквозь него. Все это было необъяснимо – и ее явное помешательство с потерей памяти, и растерзанные останки ее псевдо-собачки, и даже, если задуматься, та вне- запная готовность, с которой она отдалась ему вчера вече- ром. Иван поймал себя на мысли, что слово «отдалась» во- обще-то мало подходит к их многочасовым совокуплениям, ее множественным оргазмам и интимным ласкам, которыми они оба одаривали друг друга, как последней нежностью.

Он стоял посреди комнаты перед ней, сжавшейся в постели и судорожно натягивающей на себя одеяло, чтобы защититься от воображаемого незнакомца, проникнувшего к ней в квартиру, чтобы обокрасть ее или изнасиловать, а, скорее, чтобы то и другое вместе – надругаться, а потом ограбить и убить. В растерянности и полной дезориентации Иван сделал пару шагов к ней и протянул к ней руки, почти машинально, как сомнамбула, в тщетной надежде ее защитить и успокоить, вернуть ей память и, как он стал подсознательно уже думать, вернуть «его Дашу».

– Я люблю тебя, успокойся, – тихо сказал он. Он хотел еще добавить, что это же он, Иван, что она сама позвала его к себе, что она называла его любимым и родным, но она вдруг, не сводя с него своих серых глаз, откинула одеяло и оказалась прямо перед ним во всей красоте молодого обнаженного тела, сухопарого и тренированного, но по-женски сексуально неотразимого.

– Да, – сказала она. – Да! Иди сюда, выеби меня.

Как будто в глубине предутреннего сна, он сделал еще шаг, а она уже расстегивала ему джинсы и стаскивала их вниз, ему на колени, губами жадно присасываясь к его плоти, пока он не возбуждился настолько, что не смог контролировать себя и не кончил ей в рот. Даша подержала во рту его хуй еще немного, потом отстранилась от него, облизала губы и спросила:

– Ты доволен.

– Да, милая, – прохрипел он.

В это время в дверь позвонили.

– Я открою? – почему-то спросила Даша у него.

– Конечно, открой, – ответил он.

Она метнулась к двери, даже не одевшись. Щелкнули замки, кто-то вошел в прихожую, грохоча ботинками.

Иван еле успел натянуть джинсы, как в дверях появились полицейские в бронежилетах и с автоматами. Позади них выглядывала голая Даша.

– Этот человек меня изнасиловал! – взвизгнула она. – Он хотел меня ограбить и убить!

2

ФИДЕЛЬ:

До позиции нашего отряда мы добрались без приключений. Ну, почти без приключений, если не считать словесной перепалки с заградотрядом гоп-готов. Но это были просто дети, так что мы и переругивались с ними без особого куража.

Я давно уже ездил по городу на такие расстояния, и эта поездка заставила меня по-новому посмотреть на то, чем он стал за последнее время.

Разруха жилых кварталов на окраинах – и безумная роскошь новых дворцов нуворишей, нищета дворовой шпаны, возведенная в шик и моду, – и вопиющая безвкусица хозяев жизни, окруженных толпами охранников и телохраните-

лей. Белозубые улыбки незаслуженно богатых – и взгляды исподлобья неправосудно обобранных. Это был мой город. Это была моя реальность. Это было мое поле битвы, поле стыда и позора, поле ежедневного проигрыша и вечной надежды на победу и воздаяние.

Я сидел среди боевых товарищей, мы пили кукурузный самогон, травили анекдоты, шутливо переругивались – все было, как обычно, но что-то не давало мне покоя, какое-то неясное ощущение неподлинности бытия, как будто я был не на своем месте, и все мы и каждый из нас был не на своем месте. Или не в своем времени. Или и то и другое вместе.

Вот напротив меня сидит Резиновый Утенок. Редко так бывает, чтобы ник, прозвище абсолютно не подходил к внешности человека. Утенок весил за сто килограммов. Сто килограммов медвежьего мяса, сплошь покрытых тату. Глядя на его бритый череп и цепкий взгляд глубоко посаженных глаз ни за что не догадаешься, что перед тобой не примитивный «бык» из какой-нибудь местной банды, а студент-отличник с биологического факультета столичного университета. И, к тому же, добрейшей души человек. Правда, его доброта не распространяется на противника, естественно, без всякого намека на садизм. Просто не становитесь у него на пути. Лично я предпочел бы биться с ротой гастов в одиночку, но только не иметь Утенка противником, даже целым взводом.

И тем не менее, я ловлю себя на мысли, что Утенок никогда не рассказывал о своей учебе, хотя мне откуда-то извест-

но, что он учится в университете. Никогда не шла речь о том, что ему надо сдать зачет или экзамен. Никто из нас не видел у него ни учебников, ни конспектов, ни зачетки. Утенок всегда был при отряде, появляясь будто ниоткуда в нужный момент, и так же неожиданно растворяясь среди развалин в минуты затишья.

Сейчас Утенок вместо привычного серфинга в Сети листает книжку с моей рожей на обложке. Изредка он хмыкает и поглядывает в мою сторону. Это какое-то недоразумение, считаю я, и оно имеет простое и логичное объяснение. Что-то вроде – перепутали фотографии в издательстве, даже банальный розыгрыш. И тем не менее оставалось нечто неясное, и оно все сильнее меня тревожило.

Вокруг меня старые соратники по борьбе – Ведьмочка, прекрасно владеющая всеми видами холодного и не очень оружия, Эдвард Руки-Ножницы, которого мы за глаза зовем «эстонцем» за непрошибаемое спокойствие профессионального снайпера, хотя в той, другой – штатской – жизни он работает педиатром; амбал Брэд Питт, способный за один присест уговорить килограмм водки, а потом в полной выкладке совершить марш-бросок вокруг Садового кольца за добавкой, если потребуется, а я не помню, чтобы добавка когда-нибудь не потребовалась бы; Кадаффи, сухопарый поживший по виду бурно и с огоньком мужчина с полуседой небритостью, переходящей в бородку, но так и не перешедшей до конца, о котором мы не знали ровным счетом ниче-

го, кроме того, что он волшебник взрывчатки и повелитель самодельных бомб.

Я сижу среди бойцов своего собственного отряда и пытаюсь не морочить самому себе голову какими-то смутными ощущениями и неясными подозрениями, но взгляд мой опускается, и я словно впервые вижу свои руки, в пороховой копоти и всепроникающей пыли, но почему-то с хорошо обработанными ногтями – кто и когда делал мне маникюр? Я разглядываю свои берцы и не могу вспомнить, при каких обстоятельствах я их приобрел. Ладно скроенная полевая форма с нашивкой на груди моего имени – «Фидель», почему она практически чистая, если я ее никогда не стирал?

Я отгоняю все эти бредовые мысли, наверняка дает о себе знать усталость и напряжение долгого и трудного дня, как вдруг у меня вырывается вопрос, так что вначале я даже не могу понять, вслух я его произнес или подумал про себя, но по внезапно повисшей тишине догадываюсь, что не просто вслух, но громко и отчетливо. Настолько громко и отчетливо, что мой вопрос слышали все:

– Ребята, вы когда последний раз срали вообще?

3

Иван сидел в камере полицейского участка. Здесь было три глухих стены, покрашенных зеленой комковатой краской, а вместо четвертой была решетка от пола до потолка. Мебели не было никакой, если не называть мебелью дощатый помост в виде подиума на, примерно, треть площади ка-

меры. На этом помосте можно было сидеть, а можно было и спать, подложив ладонь под голову. Спать на досках – это было так по-конфуциански, что Иван даже попытался подремать, но, естественно, не смог. События вчерашнего вечера и нынешнего утра не давали ему ни покоя, ни избавления от ощущения безграничного абсурда. Он просто не мог быть здесь! И не потому, что он не чувствовал за собой никакой вины – он не такой уж наивный мальчик, чтобы не знать, что по законам Москва-Сити виновен любой и каждый всегда и везде, – нет, вину он чувствовал ежедневно и повсеместно, но просто потому, что обвинение в проникновении в жилище, нападении и изнасиловании, особо изощренным способом и многократно, любимой девушки, которую он готов носить на руках, сдувать пылинки и возводить на пьедестал – и что бы там еще делали влюбленные по уши дурачки? – это обвинение было полной бессмыслицей.

Бессмысленным ему виделось и поведение Даши. Ее тоже привезли в отделение, хотя, естественно, и отдельно от него – он ехал в автозаке в наручниках. Полицейские вели себя с ним жестко, но достаточно корректно, как видно, обвинение его в изнасиловании их не слишком-то впечатлило, но и мешкать с выполнением их указаний они не давали.

Когда его вели в камеру для задержанных, в открытой двери одного из кабинетов – комнаты для допросов? – он увидел мельком Дашу. Она сидела за столом и что-то писала. Спутанные волосы лезли ей на лоб, но она будто не замеча-

ла этого. Взгляд ее был рассеян и будто обращен в себя, как показалось Ивану. Ивану показалось, что Дашу гложет глубоко запрятанное внутри беспокойство, но, естественно, он мог ошибаться.

Он сидел в камере уже пару часов в полном одиночестве, мимо проходили сотрудники полиции в бронежилетах и с автоматами, секретарши или кто-то по виду типичные секретарши. Никто не обращал на него никакого внимания. Это было понятно Ивану – вряд ли дровосек станет разглядывать каждое полено. Но тут вдруг к решетке его камеры торопливым шагом подошел офицер полиции, судя по погонам довольно важная здесь шишка, и как-то неуверенно сказал ему:

– Вам тут звонят...

И протянул Ивану телефон сквозь решетку. В замешательстве Иван вскочил со своего деревянного наместа, взял трубку и поднес к уху.

Из динамика раздалось мелодичное пощелкивание, какое бывает, когда сотовый телефон лежит возле колонок с активным усилителем в то время, когда ищет сеть. Пощелкивание сменилось звуком древнего модема при его подключении к оператору. Потом опять щелчки. А потом раздались короткие гудки отбоя.

Иван машинально протянул телефон офицеру и только тогда заметил, что во взгляде полицейского застыл неподдельный страх.

Геринг сидел в своем кабинете, все стены которого были уставлены книжными полками, за огромным письменным столом со столешницей полированного красного дерева. Стол был усеян стопками бумаг – рукописи, документы строжайшей секретности, распечатки сетературы. Весь этот художественный беспорядок только выглядел случайным нагромождением листов и стопок, на самом деле его создавал и поддерживал специалист по дизайну интерьеров, а реальную работу, как и время для развлечения, Геринг, естественно, проводил за ноутбуком. Однако любой, кто переступал порог его кабинета, тут же убеждался в невероятной занятости и работоспособности его хозяина. «Люди должны видеть зримые, материальные доказательства работы», – считал он. – «Эти ублюдки... Это быдло не может оценить красоту и изящество творчества истинного Мастера, творящего красоту и гармонию из хаоса и говна. Им подавай вырытые ямы и сложенные рядами кирпичи, иначе они будут считать тебя бездельником и лодырем». Вот эти бумаги, разложенные на столе специально обученным человеком, и были его кирпичами и ямами для тупых туземцев.

Он порылся в Сети, поковырялся в почте, заглянул на пару-тройку сайтов – ничего интересного не было, обычная рутина и балабольство. Наскоро просмотрев новостные ролики, он решил, что в три четверти Папу показывать уже не стоит, даже компьютерная графика и 3-Ди обработка картинки не может скрыть по-черепаши отвисших брылей.

Геринг задумался над давнишним вопросом, не пора ли уже отходить от образа мачо и крутого перца для Папы, образа, требующего для своего поддержания слишком много ресурсов, денег и времени. Логичнее всего было бы плавно перейти от тематики «хуя с бугра» – задиристого заводилы гопнической шпаны фабрично-заводских окраин – к теме «мудрого старца», этакого Наставника эльфов и кронфов. Что-то такое в духе Хо Ши Мина или даже – рисовать, так с размахом и перспективой – Махатмы Ганди. Геринг представил себе Папу в белом сари, или в чем там рассекал Махатма, и содрогнулся, а когда он подумал, что придется нацепить старику очки с круглыми линзами в проволочной оправе, его сотряс приступ неконтролируемой истерики.

Нет, Папе надо было бы претендовать на роль Марлона Брандо из «Крестного отца», но тут подвела фактура – ссохшийся плюгавенький старикашка походил на дона Карлеоне не больше, чем мопс на бультерьера. Тут даже ошейник с шипами не поможет.

И тут Геринга осенила очередная блестящая, парадоксальная, непредсказуемо гениальная идея. Ну, как это бывало всегда, когда он включал свои, по его мнению, блестящие мозги. Впрочем, мозги у него на самом деле были гениальными, с этим фактом никто никогда не спорил. Он достал свой карманный имитатор реальности и набрал на экране нужные параметры. Потом включил воспроизведение.

И оказался посреди радиоактивной пустыни, где не было

ничего живого кроме него и какого-то черного кота метрах в десяти. Кот зашипел и тенью скрылся среди развалин. А сверху, будто порочный снег, сыпался радиоактивный пепел.

5

ФИДЕЛЬ:

Я спросил своих бойцов, громко и отчетливо, будто хотел удержать в голове ясную и отчетливую мысль:

– Ребята, вы когда последний раз срали вообще?

Повисло всеобщее молчание. Потом, будто пробираясь через болотную топь, Утенок неуверенно переспросил:

– Фидель, ты о чем?

– Я о том, – продолжал я. – Что никто из нас не помнит, когда в последний раз мы жили нормальной жизнью. Срали, ходили на лекции в универ, видели свою семью. Это же странно, не правда ли?

– Ну, мы на войне... – начал Утенок, но его перебил Эдвард-Руки-Ножницы:

– Фидель прав. Я лично не помню, когда мне пришлось...

Опорожняться.

– А я не помню, когда у меня были месячные! – неожиданно заявила Ведьмочка. – Нет, вы не подумайте...

– А что тут думать? – удивился Брэд. – Вот эти штуки – они не могут быть настоящими!

Он показал на плазменные пистолеты-пулеметы, которыми мы сегодня с Утенком разобрались с таксерами. И добавил:

– Камрады, мы влипли в какую-то хуйню.

Утеноч неожиданно рассмеялся.

– Вся эта хуйня описана вот в этой книжке! – сказал он. И показал на томик, который нам дал Сергей Сергеич. – Это называется... Так, где же это? Это называется «возвращение первичной неопределенности». Проще говоря, Дни Творения могут вернуться, и тогда память работает вхолостую, не в силах отличить реальные факты от вымысла. А это означает, что вымысел становится реальностью, а реальность, которую мы принимаем в виде фактов, может то исчезать, то появляться.

– Да ну, нахуй! – воскликнул обычно молчаливый Кадаффи. – Реальность – вот это!

Он указал на площадь перед нашей позицией, потом как-то странно переменялся в лице и почти прошептал:

– Фидель, глянь-ка...

Я посмотрел на площадь через импровизированную амбразуру. А там ничего не было. До самого горизонта простиралась ровная, как стол, пустыня, а сверху на ее гладкую, будто выжженную адским огнем, поверхность падал серый пепел.

– Ты это видишь? – спросил Кадаффи.

Да, я это видел. И еще я видел черного кота, сидящего напротив метрах в двадцати. А потом все внезапно исчезло, и из-за привычных развалин показались редкие цепи гастов, тупо бредущих в очередную бессмысленную атаку. Но кот

продолжал сидеть на том же самом месте.

– Кис-кис-кис, – позвал его я. – Иди сюда, здесь сейчас будет жарко.

Кот мяукнул и в три-четыре прыжка оказался рядом со мной.

– Работаем, господа, – сказал я, впрочем, в этом не было необходимости – все уже давно заняли свои места. С оружием в руках мы все и каждый из нас преграждали гостям путь к счастью. Во имя Милосердного и Всемилоостивейшего.

6

Иван сидел в камере и от нечего делать разглядывал стены. «Умираю, но не сдаюсь» он увидеть и не надеялся, потому что обитателями сего обезьянника были не суровые партизаны, а обычные бомжи, алкоголики и, иногда, залетные бляди. Но пара строк вдруг привлекла его внимание. На стене было написано печатными буквами гелиевой ручкой: «Ночной сам знает дорогу. Не мешай ему». Кто мог написать это и с какой целью? Или это одно из тех совпадений и нелепиц, которые преследовали его в последнее время? Он не знал.

Зато он точно знал, что не насиловал Дашу – это было немыслимо и не обсуждалось, но ему приходилось сидеть в реальной тюремной камере за то, что он не мог бы сделать в принципе. И тут эта надпись – «Ночной». И страх офицера полиции. И Даша, строчащая заявление на него, кого она пригласила к себе домой сама, которому клялась в любви до

гроба.

Что-то происходило вокруг него, что-то, связанное с его безобидной игрушкой – его Ночным Котом, сделанным им в свободное время едва ли не на коленке. Впрочем, сам он знал цену своему котику – это действительно был прорыв и в дизайне псевдоморфов, и в софте, и, он был уверен в этом, в техническом исполнении его проекта. Но главное все-таки – это дизайн. Вот как было в истории военной техники, когда едва ли не самоучка вдруг открывает простой и эффективный способ вылепить из хорошо всем известных идей и деталей нечто потрясающее, вроде Т-34 или автомата Калашникова. А все остальные только разводят руками и чешут в недоумении репу, как это только не пришло им в голову самим, ведь все тут очевидно, просто и понятно. Тот же Т-34: подвеска Кристи, известна сто как лет в обед, наклонная броня – известна, дизель от бомбардировщика, пушка – перепев все той же классической трехдюймовки. Но нужен гений конструктора, чтобы сказать: «Брони будет больше, но мощности движка хватит, если мы откажемся от колесного хода». И хватило и брони, и мощи, чтобы тридцатьчетверки перестали бояться не только грязи, но противотанковых штатных средств вермахта.

Интуитивно он понимал, что сделал примерно то же самое с дизайном псевдоморфов – ввел блок принятия рискованных решений и дополнил его глазами супер-сенсорами от никона. Без риска нет агрессии, без агрессии нет победы. Он

так думал, потому что сам практически никогда не рисковал в своей жизни, и считал это своим самым крупным недостатком. А толку-то... Все равно рано или поздно наступает момент, когда ты сидишь за решеткой и читаешь загадочные надписи на стене, густо покрашенной масляной краской зеленого цвета во много слоев.

Его размышления прервал сержант полиции, открывший дверь, сваренную из уголка и толстых железных прутьев:

– На выход, – сказал он, оценивающе посмотрев на Ивана сверху вниз.

Иван почувствовал себя примерно, как в рентгеновском кабинете, но интуиция подсказала ему, что ничего говорить в этой ситуации не надо, поэтому он просто встал и пошел вслед за полицейским по коридору отделения полиции.

Это был хороший знак, что сержант шел впереди, будто потеряв к Ивану всякий интерес. Во всяком случае, Иван старался думать именно так, в позитивном направлении. В Москв-Сити позитивное направление мыслей всячески приветствовалось и поощрялось. Здесь старались умирать с улыбкой, в хорошем расположении духа.

7

ФИДЕЛЬ:

– Даю вводные, – говорю я ребятам. – Эдвард работает по главам-гастам, остальные как обычно, кроме...

Я на секунду задумался, а потом и сам удивился, почему эта мысль никогда не приходила мне в голову раньше:

– Кроме того, что нам надо взять языка. Поэтому отсекаем одного, а лучше двух на всякий случай, и геймеры быстро тащат его сюда. Только живого!

Гасты сегодня были необычно активны. Они перли на наши позиции, как заведенные, без своей обычной заторможенности. Мы, конечно, справлялись с этой говно-пехотой – кинжальный огонь максимов буквально косил их, как хороший комбайн спелую рожь, но вся эта новая движуха мне сильно не нравилась. И мне не нравилось направление моих мыслей в этот вечер. Что-то неуловимо недосказанное витало в воздухе. Я видел своих ребят, они выкладывались по полной, как заведенные меняя рожки с патронами у своих автоматов, но где-то над всем этим, над грохотом боя («бо-же, какой штамп», – вдруг подумал я почему-то) и клубами порохового дыма и пыли, над всем этим было нечто ненастоящее, будто скользкая и липкая медуза в морской волне, делающая прибой, и море, и радость от заката бессмысленными и неприятными.

И вдруг меня осенила идея – ослепительно прекрасная в своей простоте и ясности. Я сказал:

– Прекратить огонь!

Потом добавил:

– Ребята, перестаньте уже в них палить.

Как ни странно, огонь прекратился. Я встал и с оружием в руках вышел на площадь, пробираясь среди куч кирпичей и покореженных бетонных плит. Я стоял перед позицией сво-

его отряда, а толпы гастов бежали прямо на меня. Когда до них оставалось метров тридцать, я поднял руку и заорал:

– Стоять!

Не сразу, но они остановились. И я начал им говорить:

– Братья и сестры! – сказал я громко и отчетливо. – Того места, куда вы стремитесь, больше нет. Это место осталось в прошлом, куда уходят все люди, и вы в том числе. Я – ваш повелитель и бог – говорю вам: «Ждите!» Я укажу вам дорогу и путь, когда придет свое время. А сейчас мне нужен один из вас, самый умный, самый мудрый и самый достойный. Пусть он подойдет ко мне.

Внезапно из толпы выбежал один гаст с перекошенным лицом и бросился ко мне. Я вскинул плазменный автомат и спалил его до кучки пепла. Толпа гастов отступила на шаг, но потом из ее гущи, подталкивая в спину, выпихнули одного, взгляд которого не казался таким уж бессмысленным.

– Иди сюда, – сказал я ему. – Ты будешь моим пророком.

8

Ивана привели в комнату для допросов и оставили там одного. Он сидел на стуле и пытался собраться с мыслями. Наверняка вот-вот придет следователь, или кто он там – дознаватель, оперативник? – и будет загонять его в ловушку хитро поставленными вопросами, на первый взгляд вполне безобидными, на которые любой нормальный человек не может не ответить правдиво и искренне, чтобы в конце допроса торжествующе сказать: «Ну вот вы и попались, батенька!

Вы же сами сказали, что...» А что он может им сказать? Он может сказать только правду, что Даша сама его позвала, что у них был секс почти до утра, а потом ее словно подменили, или, еще того хуже, словно бес в нее вселился.

Иван раздумывал уже, не сошла ли Даша с ума, вроде бы самое логичное объяснение, но несмотря даже на отсутствие у него всякого опыта общения с шизофрениками и другими психбольными, а он имел самые смутные представления, какие там еще бывают психические заболевания, Даша менее всего напоминала ему тех сумасшедших, которых он видел в кино, или о которых он читал в книжках. Естественно, он не мог поручиться за то, что у Даши нет какого-нибудь редкого заболевания, из-за которого у нее случаются такие вот провалы в памяти. В этих вопросах он был некомпетентен, и ему было грустно от одной мысли о том, что его возлюбленная, возможно, неизлечимо больна, и он ее потеряет, не успев еще толком ее обрести.

Иван усмехнулся про себя, поймав себя на мысли, что до сих пор считает Дашу возлюбленной, хотя вполне вероятно, что она в этот самый момент в соседней комнате уже подписывает протокол с обвинениями в его адрес в гнусном и мерзком преступлении, и эти ее обвинения упекут его на долгие годы в тюрьму, за решетку.

В комнату вошел человек и сел за письменный стол напротив Ивана. На вид ему было едва за тридцать и выглядел он так, что сразу понимаешь, что у него все в порядке

в жизни. Может, он и был немного полноват, но это не казалось в отношении его внешности недостатком. Блондин, кровь с молоком. По сравнению с ним Иван почувствовал себя смертельно уставшим и немытым бродягой, ночующим под мостом.

Следователь поковырялся в компе, что-то там почитал, потом побарабанил по клавиатуре и, наконец, поднял голову и посмотрел на Ивана:

– Добрый день, меня зовут Тинин Андрей Григорьевич, я следователь по особо важным делам. Извините, тут у нас запарка, надо сдавать квартальный отчет.

И он снова углубился в свои особо важные дела. Иван ничего ему не ответил, решив, что чем меньше он будет себя проявлять, тем ему будет лучше – потом, на суде. Или даже в тюрьме, куда он попадет неминуемо, в чем он уже и не сомневался.

Еще минут через десять-пятнадцать следователь распечатал на принтере несколько листов, внимательно просмотрел их, положил на стол перед собой и потом обратился к Ивану:

– Еще раз извините, Иван... э... – он заглянул в листок. – Федорович. Для начала я хотел бы задать вам несколько формальных вопросов, для протокола.

Он спросил Ивана, как его зовут, место и дату рождения, и прочие анкетные данные, которые ему, конечно же, были прекрасно известны по тем базам данных, что имелись в распоряжении правоохранительных органов. Но такова проце-

дура, решил Иван, тут ничего не поделаешь.

Потом следователь зачитал по бумажке его права и обязанности и дал потом эту бумагу на подпись. Иван расписался, удивившись про себя, что эта бумага была протоколом допроса свидетеля. Как бы подтверждая его мысли, следователь сказал:

– Мне надо допросить вас в качестве свидетеля, Иван Федорович. По сути дела, это пустая формальность, но закон есть закон. Однако сначала я хотел бы поговорить с вами без протокола, если вы не возражаете.

Иван не возражал. Он вообще не был уверен, что имеет какое-либо право возражать в этой комнате. Следователь задал несколько ничего не значащих вопроса, как-то рассеянно выслушал ответы, а потом спросил, глядя Ивану в глаза:

– Вот тут, в протоколе осмотра места происшествия, упоминается некий, как это называется правильно... Ну, такие игрушки, почти как живые?

– Псевдоморф.

– Да-да, псевдоморф в виде кота или кошки.

– Это кот, – сказал Иван, с грустью вспомнив свое любимое детище. – Я зову его Ночной Кот.

– Это ваш... Псевдоморф?

– Да, мой.

– Вы его купили где-то?

– Нет, я его сам сконструировал. Я ведь специалист по био-кибернетике.

– А вот тут, в протоколе, у вас профессия указана другая – «техник-ремонтник биокомпьютерных систем».

– Это одно и то же. Я обслуживаю и ремонтирую серийные псевдоморфы, а в свободное время конструирую экспериментальные модели. Для себя.

– То есть, это что-то вроде хобби?

– Да, но не совсем. Я считаю, что занимаюсь исследованиями в области био-кибернетики.

Иван никак не мог понять смысла этого разговора. При чем тут его Ночной Кот? Наверное, следователь хочет усыпить его бдительность, решил он. Это казалось ему глупым и бессмысленным занятием. Он не собирался уваливать и что-то там скрывать. Да и что тут скроешь? Не в его натуре было хитрить и скрывать правду, он это знал очень хорошо, потому что многожды эта его черта делала его уязвимым. Когда другие получали от своего хитроумия реальную выгоду, он только беспомощно разводил руками, а язык его, будто сам по себе, будто некий псевдоморф, запрограммированный на правду, выдавал всему свету, что он на самом деле думает об этом хитровыебанном свете.

– А разве такими исследованиями занимаются не целые институты и лаборатории? Я всегда думал, что это дорогостоящее занятие, – едва ли не искренне удивился следователь. Во всяком случае, он вполне мог удивиться в другой ситуации, не связанной с непосредственным отправлением правосудия и его служебных обязанностей. И первой

его обязанностью, горько подумал Иван, было во что бы то ни стало посадить за решетку невинного техника-ремонтника.

– В какой-то мере это так. Большие корпорации тратят огромные средства на разработку, скажем так, элементной базы. Плюс много средств отнимает биотехнология. Но в нашей сфере есть одна лазейка, куда может пролезть и кустарь-одиночка, вроде меня. Это общий дизайн конечного изделия. Собственно, именно то, ради чего псевдоморфов и производят, да и покупают.

– То есть, если я правильно понял вас, вы берете готовые детали и материалы и конструируете что-нибудь. Например, кота?

– Да, совершенно верно. До сих пор, кстати, никто не смог создать ни одного хотя бы отчасти правдоподобного и работоспособного котика. Собак на рынке полно, а котов нет.

Следователь кивнул, как бы в знак согласия или даже поощрения:

– Ну, хорошо. Вы разработали эту модель и назвали ее...

– Ночной Кот.

– Ночной Кот. А почему Ночной, потому что он черный?

– Да нет. Просто так получилось. Коты любят гулять по ночам.

– По крышам?

– И по крышам тоже. У вас есть кот?

– У меня нет. У моих родителей есть. Еще один вопрос.

Подумайте, прежде чем ответить.

Иван напрягся. Что-то в тоне следователя заставило его насторожиться:

– Да, я слушаю.

– А куда этот ваш Ночной Кот мог исчезнуть из опечатанной и запертой квартиры, а?

9

ФИДЕЛЬ:

Я вернулся на позицию, гаст плелся за мной следом. Остальная толпа переминалась на площади, будто чего-то ждала.

– А с этими что делать? – спросил меня Эдвард-Руки-Ножницы, показав снайперской винтовкой в сторону сброда, недавно атаковавшего нас с азартом висельников и решимостью самоубийц.

– Да что хотите, то и делайте, – беспечно ответил я. – Это, в принципе, уже похуй.

Ребята недоуменно переглянулись. Наверняка подумали, засранцы, что у меня поехала крыша.

– Но они там стоят, – то ли с удивлением, то ли с простой констатацией факта сказала Ведьмочка.

– Угу, – сказал я. – Стоят. Скоро опять сюда побегут, так что лучше уберите их от греха. Огонь!

Снова заработали пулеметы. Через пару минут все стихло. От толпы осталась груда тел, похожих больше на кучи тряпья, чем на свалку мертвецов. Впрочем, я не хотел бы

повторяться, даже в таком колоритном образе, ну, да ладно, сойдет и так.

Я достал фляжку с лучшим солодовым виски, которое мы только смогли найти в окрестностях, сделал хороший глоток, а потом пустил ее по кругу.

– Ну, давайте допросим нашего языка, – сказал я весело. Мне действительно было весело.

Гаст с почти смышленными глазами сидел на куче разбитых бесконечными перестрелками кирпичей, куда он рухнул, когда ребята открыли шквальный огонь по его сородичам.

Ребята расселись вокруг, кто на что – на импровизированные лежанки, кресла из холла бывшей гостиницы, матрасы от диван-кроватьей. Я нашел себе место на простой деревянной табуретке, чтобы не слишком расслабляться. Ну, и с той мыслью, выработанной в ходе командования этой бандой головорезов, чтобы физически возвышаться над остальными, прежде всего над нашим пленным.

– Ты, – спросил я его. – Ты кто такой?

Он недоуменно уставился на меня и что-то промышчал.

– Спрашиваю тебя еще раз, – спокойно говорю я. – Кто ты такой?

– Давай я его немножко почикаю, – подала голос Ведьмочка. – Заговорит, как миленький.

– Да не нужно, дорогая, – говорю я как можно душевнее и с чувством. – Лучше приласкай меня сегодня вечером.

– С удовольствием, папочка, – с видом невинной девочки хлопает ресницами Ведьмочка.

– Эх, не искушай меня без нужды, – продолжаю я нашу игру во флирт. – Я ведь могу не выстоять...

– Именно на это я и надеюсь! – отвечает она.

Но игры играми, а дело надо доделать. И я снова обращаюсь к этому пугалу:

– Кто. Ты. Такой?

Внезапно сквозь бормотание гаст произносит громко и отчетливо:

– Бу-бу-бу... Я буду быть человек! – и опять. – Бу-бу-бу...

И повторяет снова, также громко и отчетливо:

– Я буду быть человек!

10

Геринг вошел в это неприметное здание с наглухо затонированными окнами. Замок щелкнул и дверь приоткрылась, как только он к ней подошел торопливым шагом от своего лимузина. Лицо у него было озабоченным, голову переполняли неприятные мысли, а на сердце точно кошки скребли.

Идя по пустым коридорам, поднимаясь по лестницам, снова по коридорам, он нигде не встречает ни одного человека, впрочем, как и обычно. Дорога ему хорошо знакома, он явно спешит, едва не переходя на бег, пока, наконец, не подходит к одной из дверей, естественно, без всякой таблички, и даже никакого номера или опознавательного символа на ней нет. Учреждение, расположенное в этом здании, на-

столько серьезно, что у него нет даже названия, а сотрудники этого учреждения не имеют никаких должностей: между собой они зовутся по рангу «младший», «сотрудник», «старший» и «Главный». Вот в кабинет Главного Геринг и попадает, в очередной раз удивляясь его старомодной монументальности и неброской роскоши.

Хозяин кабинета встает из-за огромного стола и делает пару шагов ему навстречу. Геринг машинально отмечает это число и во рту у него становится кисло: всего лишь два. В лучшие времена он получал в свой адрес полноценных четыре шага. Они пожимают друг другу руки и садятся в кресла вокруг кофейного столика. Хозяин разливает виски по бокалам и протягивает один из них Герингу. Тот отмечает в уме, что его не спросили, будет ли он пить, и что именно. Впрочем, Герингу сейчас не до церемоний и не до административно-бюрократического этикета. Как это ни печально, но у него сейчас проблемы, в этом стоило признаваться открыто, а Геринг никогда не боялся признать себе правду.

Как бы вторя его раздумьям, хозяин этого секретного учреждения говорит ему негромким хорошо поставленным голосом:

– Я слышал, у вас некоторые проблемы.

Чертыхнувшись про себя, Геринг изображает на лице некое подобие улыбки, чтобы не доставлять этому лощеному и импозантному господину слишком большого удовольствия:

– Ну, я бы не стал говорить о каких-то серьезных проблемах. Так, скорее, небольшие затруднения.

Хозяин кабинета едва заметно улыбается, но его глаза остаются холодными, даже, можно сказать, исполненными дьявольского мороза. А самое неприятное для Геринга, что тот ничего не говорит ему в ответ.

В кабинете повисло молчание, сквозь которое Герингу приходилось пробираться маленькими осторожными шажками, будто по полю по пояс в густой траве, где обитает множество ядовитых змей. Однако делать было нечего, и ему приходилось выполнять свою нелегкую миссию.

Геринг не любил играть в гляделки, но в стенах этого кабинета, знал он, взгляд отводить было нельзя, это признак слабости, признак тонкожилности и расовой обреченности. Поэтому он смотрел прямо в глаза этому господину с коротко стриженными седыми волосами и с небрежно повязанным на шее шелковым платке, одетому в старомодный блейзер с тусклыми латунными пуговицами, и говорил, стараясь придать голосу легкую небрежность, как будто он рассказывал о забавном недоразумении, приключившемся с его знакомым на отдыхе в Ницце, недоразумении между любовницей и женой, с участием прелестной горничной. Во всяком случае, Геринг хотел произвести именно такое впечатление своим рассказом:

– Вы же знаете, проект изначально был довольно-таки рискованным и затратным, но мы обеспечили необходимое

финансирование и добились неплохих результатов. Первые образцы вполне работоспособны и легко могут быть адаптированы для серийного производства. Трудности... Некоторые трудности, – он подчеркнул слово «некоторые», чтобы создать впечатление несущественности этих самых трудностей. – Возникли при полевых испытаниях образцов. Тем не менее, ничего особо серьезного не случилось...

Хозяин кабинета сделал большой глоток двадцатипятилетнего односолодового виски и неожиданно перебил Геринга:

– Ничего серьезного, если не считать нашествия неконтролируемых гостей, уличных боев с ними отрядов повстанцев-самооборонщиков, пространственно-временных казусов и появление феномена Офелии, не правда ли?

Геринг также сделал из своего бокала очень хороший глоток и молча кивнул.

Помолчав еще пару минут, его собеседник, и хозяин кабинета, с неожиданно искренним удивлением спросил, явно не надеясь получить от него ответ:

– А что это за кот крутится там постоянно?

И действительно, ответа на этот вопрос так и не последовало.

Иван удивленно посмотрел на следователя, пытаясь разгадать его непонятную, но несомненно опасную лично для Ивана, игру. Что значит исчез? Ночной Кот – это, он был

уверен на все сто процентов, прорыв в био-кибернетическом дизайне, но проходить сквозь стены он несомненно не может. Кот лежал в прихожей Дашиной квартиры, когда Иван видел его в последний раз, проходя мимо него в наручниках в окружении полицейских. И кот был в состоянии непонятного ступора.

– Ну, можно ведь посмотреть запись с камер внутреннего наблюдения.

– Смотрим, – едва ли не радостно сказал следователь. – Смотрим, и ничего не видим. Да вот вы сами можете убедиться.

Он повернул экран своего ноутбука так, чтобы Иван мог видеть видеозапись.

В кадре, в хорошем разрешении, была вся прихожая вместе с входной дверью. На диванчике-пуфике лежал неподвижный Ночной Кот. На полу валялись какие-то вещи, как видно, из одежды Даши, когда она второпях одевалась на глазах посторонних мужчин-полицейских, чтобы ехать в отделение полиции. Ничего не происходило. Иван обратил внимание на время, когда происходит запись, – он тогда сидел уже за решеткой в камере для задержанных.

И вдруг по экрану проходит какая-то рябь, буквально на пару секунд. Когда картинка восстанавливается, Ночного Кота в кадре уже нет.

– На других камерах что-нибудь есть? На камерах наружного наблюдения?

– Нет. В один и тот же момент проходят помехи, а потом ваше изделие растворяется в воздухе.

Слово «изделие», употребляемое следователем в отношении его любимца, корбит слух Ивана, но он никак не реагирует, поглощенный внезапно пришедшей ему в голову мыслью:

– Простите, – говорит он, плохо скрывая свое волнение. – Но ведь на видеозаписи должно быть видно, как я пришел в квартиру, ну, и прочее.

– Конечно, видно, – спокойно отвечает следователь. – Со строгой пометкой три икс. Вся ваша любовь-морковь.

– То есть, обвинения с меня сняты?

– Да в чем вас обвинять? – удивляется следователь. – Мы первым делом просмотрели видеозапись. Впрочем, в этом не было особой необходимости, потому что «потерпевшая» изменила показания и отказалась от обвинений. Так что вы можете подать на нее иск за клевету, а мы, со своей стороны, уже рассматриваем вопрос о обвинении ее в даче ложных показаний...

– Нет-нет, я не буду подавать никаких исков! – торопливо говорит Иван. – Мне кажется... Мне кажется, она была немного не в себе.

– Ну, ничего себе – немного! – хохотнул следователь. – Она подняла на уши столько людей, да еще чуть невиновного человека не упекла. Вам еще повезло, что полицейские из группы захвата оказались настоящими профессионалами,

будь на их месте муниципалы или ппсники, неизвестно, чем бы все могло обернуться. Те вначале стреляют, а потом уже разбираются. Но это строго между нами.

Иван был в полном недоумении. К чему эти разговоры про его кота, если его ни в чем не обвиняют?

– Значит, я могу быть свободен? – задает он как бы наводящий вопрос.

– Вы и так свободны, разве нет? Свободы лишить может только суд. Ну, и я могу ограничить вашу свободу своим постановлением, но только если есть основания для этого. Пока что я не вижу никаких оснований вас задерживать. Вот только...

Следователь, благоухая чистотой, свежестью и хорошим парфюмом, бодро строчит на клавиатуре какой-то очередной документ:

– Вот только оформим все бумаги. Это такая волокита, вы бы знали. Терпеть не могу всю эту канцелярщину!

По нему, однако, этого не скажешь. Он потягивается, с удовольствием разминая пальцы, и вновь окунается в пучины делопроизводства.

Прошло не меньше получаса, а, может быть, и целый час, Ивану трудно было судить о времени. Следователь все так же что-то писал, периодически распечатывал какие-то документы и подшивал их в папки. Время от времени какая-то бумага ему не нравилась, он ее комкал и бросал в урну, стоящую у него под столом.

Наконец, Иван решил все-таки напомнить о своем существовании:

– Андрей Григорьевич.

– Да? – следователь поднял на него глаза, не переставая печатать десятую пальцами.

– Андрей Григорьевич, я могу уже идти?

Следователь смотрит на него уже внимательно и перестает писать:

– Иван Федорович, понимаете, у нас тут есть небольшая проблемка с оформлением всех ваших документов по делу. Я как раз пытаюсь ее решить, но пока не получается.

– Проблема? Какая, Андрей Григорьевич?

– Вот смотрите, в протоколе осмотра места происшествия указано «псевдоморф в виде кота», схема расположения прилагается. Далее, показания потерпевшей... «Псевдоморф в виде кота мне не принадлежит». Вы прямо указываете, что это ваш кот, вы его сами изготовили, так?

– Да, конечно. А в чем проблема-то?

– А проблема вся в том, что мы обязаны под вашу роспись передать вам вашего котика, а котика-то у нас и нет! А это уже большая проблема для нас. Мало ли, я закрою дело, а вы пойдете прямиком в прокуратуру и подадите заявление на коррупционеров-следователей, укравших у вас вашу собственность! А еще хуже, вымогавших у вас вашего кибер-котика в виде взятки. Так что, придется искать нашего знаменитого Ночного Кота. Я как раз даю серию поручений

нашим полицейским, чтобы они занялись розысками животного. Дело не быстрое, конечно, но правосудие спешки не терпит. Все должно быть оформлено и запротоколировано должным образом.

– А, ну это все очень просто. Если Ночной активирован, а я думаю, что он активировался, я его просто сюда и вызову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.